

ЕВГЕНИЙ КОСЕНКОВ

РАСПЛАТА
за предьдущую жизнь

Евгений Косенков

Расплата за предыдущую жизнь

«Литнет»

2025

Косенков Е.

Расплата за предыдущую жизнь / Е. Косенков — «Литнет», 2025

Два ряженных ветерана Великой Отечественной войны и войны в Афганистане, оказываются в одном купе вагона поезда, начинается жаркий спор с юношей из Уренгоя о безвинно погибших солдатах вермахта в годы Великой Отечественной войны. В разгар спора происходит ДТП. В вагон на полной скорости врывается грузовик... Не надо скрупулёзно искать исторические неточности. Это фантастика, в которой может произойти всё, вплоть до прилёта инопланетян!

© Косенков Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Косенков

Расплата за предыдущую жизнь

Глава 1

Ряженые

Он стоял на трибуне и плакал. Дрожащая рука вскинута к фуражке. В глазах глубокая печаль и неподдельные крупные слёзы, сбегаящие по глубоким морщинам. На кителе сверкают, блестят и играют бликами на солнце ордена и медали, горят золотом погоны. Перед ветеранами и руководством города проходили, чеканя шаг, части расположенного в области гарнизона, шла современная техника. Аркадий Иванович Тюляпин смотрел на парадные расчёты и ощущал себя героем. Сам глава города жал руку и благодарил за победу!

Тяжёлый от наград пиджак весил прилично и Тюляпин аккуратно спускался со ступенек трибуны. Вот она слава! Ему поклоняются, благодарят, жмут руки. Он – пример подрастающей молодёжи. Гордость распирала изнутри...

Аркадий Иванович с подарками и цветами, окружённый толпой школьников, со слезами на глазах рассказывал жалостливые истории из своей военной жизни. Громко вздыхал, вытирал платком текущую по щекам влагу. Дети слушали, приоткрыв рты. Множество приглашений поступило от школ, чтобы Аркадий Иванович встретился с учениками и рассказал о войне. А рассказывать он любил и умел. Глаза влажнели и подёргивались туманной дымкой...

Домой он вернулся в приподнятом настроении. Душа пела. Первым делом он снял пиджак и убрал в шкаф. Прошёл в дальнюю комнату, остановился в проёме дверей.

В полутёмной каморке на кровати под цветастым пледом лежала маленькая, усохшая женщина. Казалось, что она мертва, но это только казалось. Веки дрогнули, открылись глаза, взгляд устремился в сторону Тюляпина.

– Опять на парад ходил? – спросила она слабым, но твёрдым голосом.

– А что запрещено? – ехидно ответил Аркадий Иванович.

– Не стыдно чужие награды носить? Ладно, мои и отцовы, но где ты ещё взял? Ты ведь даже в армии не служил...

– Мама, откуда ты знаешь? – опешил Аркадий Иванович.

– Ты утром красовался перед зеркалом, а мне зеркало отсюда видно. Думаешь, чужие награды тебя прославят? Как был ты глупышкой, Аркашенька, так им и остался. У каждой истории свой закономерный конец. Не боишься? Или совесть на старости лет тебя покинула?

Настроение пропало, появилась раздражительность и злоба.

– Я о ней забочусь, а она морали мне читает! Когда же ты сдохнешь уже наконец!

– Лучше бы ты вообще из тюрьмы не возвращался, Аркашенька. Стыдно мне за тебя перед людьми и отцом. Стыдно и больно...

– Да пошла ты, карга старая! – выпалил Аркадий Иванович и добежал до холодильника на кухне.

Сто грамм алкогольного напитка немного сбили пыл закипевшего сына. Он занюхал рукавом и, внезапно, усмехнулся.

Чурка с блошиного рынка обещал подогнуть ему звезду Героя Советского Союза! Вот эта награда сразу поднимет его значимость в глазах всех людей! Она одна способна заменить все награды вместе взятые. Чурка обещал к 9 мая, но что-то не срослось. К 22 июня точно подгонит.

Аркадий Иванович всегда мечтал о славе и признании, но жизнь не сложилась. Он всегда стремился быть на виду, но вот учиться... Что в школе, что потом в институте, куда по большому благу его пристроил брат отца, в то время первый секретарь горкома партии. Казалось, все пути открыты, только учёба в институте не давалась. В школе проще. Выкручивался. Институт другое. К преподавателям у Аркадия никогда не было самого элементарного уважения. Он с ними спорил, даже ругался, придумывал прозвища. Некоторым, самым нелюбимым, придумывал пошленькие истории, которые гуляли по институту среди студентов. Долго так продолжаться не могло, и не глядя на высокий пост дяди, Тюляпина в конце первого курса не допустили к экзаменам, а затем и отчислили.

Девушки у него никогда не было. Не складывалось вообще никак. Знакомились, но после короткого общения, они старались избежать его общества. Аркадий по этому поводу всегда недоумевал. Впрочем, с друзьями такая же история. Знакомые есть, а друзей нет.

Всю жизнь хотелось прославиться, показать всем, что он особенный, выше многих. А жизнь кидала его в разные стороны, как щепку по волнам житейского моря. Долго на одной работе не задерживался. Либо сам уходил, либо просили уйти. В итоге спился. Дядя махнул на него рукой. Отец после очередной ссоры слёг с какой-то тяжёлой болезнью, и больше до самой смерти уже не поднимался.

Осталась мать, которая пыталась его образумить, но всё чего она смогла добиться, так это то, что Аркашенька устроился дворником и стал пить меньше.

Мечта прославиться таяла. Тюляпин хоть и лелеял мечту, но понимал, что жизнь проходит. Всё изменилось после встречи с одним из собутыльников, который под большим секретом поведал о своём увлечении. С этого дня началась новая жизнь «прославленного ветерана», участника Великой Отечественной войны, майора особого спецподразделения, чьи заслуги по достоинству оценены не только советским государством, но и другими странами.

В доме, в котором он прожил с родителями всю жизнь, давно сменились жильцы, и совсем не осталось тех, кто знает кто он на самом деле.

Первый раз он вышел в пиджаке с наградами 9 мая 2014 года. Его немного потряхивало от мысли, что кто-то может его рассекретить. Но никто даже не подумал посомневаться в его ветеранстве. Мэр говорил спасибо и с чувством тряс ему руку. Совершенно незнакомые люди здоровались и благодарили. А на глазах Тюляпина выступали слёзы счастья...

Аркадий Иванович вошёл в комнату матери, спиртное вернуло его самообладание.

– Я уеду на недельку в Новосибирск, Клавка за тобой присмотрит, – сказал он, прожёывая холодную котлету.

– Аркашенька, что же ты творишь? – плаксивым голосом начала мать.

– Не начинай, а? Я Клавке уже всё сказал. Пусть внучатая племянница за тобой поухаживает, а то личная жизнь у неё появилась.

– Клавочка и так всё делает. Без твоих подсказок.

– Угу, – усмехнулся он.

– Увидел бы своими глазами, за что такие награды давались, может и никогда бы и надел отцов пиджак... На фронт бы тебя...

Послужить в армии Александру Александровичу Трензелю не довелось. Отец, работник администрации города, сумел оформить сыну белый билет, надеясь, что тот окончит юридический институт и будет ему в помощь. Но, как это бывает, планам отца, сбыться не довелось. Александра отчислили после первого курса за неуспеваемость и неадекватное поведение. Отец пытался вмешаться, но руководство института ему на встречу не пошло. Через месяц отец скончался от обширного инфаркта. Мать пережила его всего на один год. Остался Александр Александрович Трензель один, без денег, без работы, без профессии.

Целый месяц беспросветно пил, не зная, что делать и чем заниматься дальше. Почти все накопленные родителями средства пропил. А потом решил съездить на дачу, посмотреть, что с ней случилось и после выставить на продажу. Ему дача вообще была не нужна.

Возвращался обратно на электричке. На соседних скамейках ехали четверо парней в камуфляжах и в малиновых беретах спецназа внутренних войск. Этот берет назывался краповым. Александр сначала прислушивался к их разговору, а потом незаметно уснул. Проехал свою остановку и когда проснулся на конечной, отметил, что остался в вагоне один. Ругнулся и пошёл на выход. Краем глаза он зацепил на скамейке какой-то предмет. Им оказался краповый берет, который оставил один из пассажиров спецназовцев.

Александр замер заворожено глядя на головной убор. Оглянулся по сторонам и вороватым движением прибрал берет в сумку.

Дома он примерил находку, повертелся у зеркала. Решение созрело неожиданно. Он даже замер, боясь спугнуть пришедшую мысль.

Берет есть. Китель куплю, денег хватит. Награды! Надо где-то достать награды! В смартфоне он быстро нашёл нужный сайт. Цены хорошие. Так ещё удостоверения к ним и удостоверение офицера в звании капитана...

Александр задумался, обвёл внимательным взглядом комнату. Секретер промелькнул...

Одним прыжком Александр достиг дверки. Ключ лежал в ящике отцова стола в кабинете. Вихрем промчался до стола, добыл ключ и открыл заветную дверцу секретера.

Дрожащими руками он вынул отцовы альбомы с марками, которые тот собирал всю свою жизнь, и обрадовано взвизгнул. Вот они деньги!

Анонс о продаже марок сработал через три часа. Позвонил коллекционер и попросил о встрече сегодня. Александр довольно улыбнулся и пригласил его к себе в квартиру.

Яков Савельевич долго рассматривал два альбома, все альбомы Александр не решил показывать сразу, и не выражал никаких эмоций. Спустя полчаса коллекционер откинулся к спинке кресла, снял очки и протёр покрасневшие глаза. На вид Якову Савельевичу было лет шестьдесят, а то и чуть больше, но развалиной он не выглядел. Наоборот, смотрелся довольно бойко.

– Ну-с, молодой человек, какая ваша цена вашим альбомам? – его маленькие глаза просверлили Александра насквозь и заставили чувствовать неуютно.

Перед приходом коллекционера Александр прошерстил интернет и знал примерную стоимость марок, находящихся в альбомах.

– Здесь не менее чем на триста тысяч долларов, – выдавил он из себя и замолчал.

– Помилуйте! – воскликнул Яков Савельевич, взмахнув рукой с очками в негодовании. – Максимум сто тысяч!

– Двести пятьдесят или я ищу другого покупателя, – уже намного твёрже произнёс Александр.

– Сто пятьдесят тысяч, думаю, за оба альбома, хорошая цена.

– Как за два? Я пока продаю только один, в котором марки стран бывшего социалистического лагеря.

Яков Савельевич закричал, поёрзал в кресле, потёр пальцами переносицу.

– Я вижу, что вы подготовились к нашей встрече, – голос стал полностью серьёзным, пропали нотки игривости. – Коллекция хорошая. Но не более того. Раритетов таких, чтобы ох и ах, у вас нет. Хотя, вы можете и не всё мне показывать. За эти два альбома я даю двести тысяч долларов. Вряд ли, кто ещё из настоящих коллекционеров возьмёт у вас их оптом за такую цену. А продавать по одной марке это хлопотно и долго. Я так понимаю, что деньги вам нужны сейчас?

Александр кивнул в знак согласия.

– Замечательно, – Яков Савельевич достал из своей сумочки нетбук, раскрыл его. – Двести тысяч долларов. На какой счёт вам перевести?

– У меня только кошелёк вебмани есть.

– Хорошо. Переведём на вебмани.

Продвинутый старичок произвёл несколько манипуляций на своём нетбуке.

– Номер счёта нужен, куда отправлять, – сказал коллекционер и, глядя на Александра из-под очков, скривил лицо в улыбке.

Александр молча подал бумажку, на котором были написаны цифры вебманиевского счёта.

Коллекционер кивнул, принял бумажку, лихо набил данные.

– Готово! Поздравляю, молодой человек! Вы богаты! Проверьте счёт.

Ладони мгновенно вспотели, пальцы перестали слушаться. Александр с трудом вышел на свой кошелёк. Двести тысяч долларов светились на экране. Сердце гулко ухало. В теле появилась зудящая дрожь от радости.

– Вот моя визитка. Если что-то ещё задумаете продавать из коллекции, звоните, не стесняйтесь.

Яков Савельевич пожал влажную руку Александра, усмехнулся краешком губ, и торжественно прошествовал к выходу.

Заперев дверь, Александр ещё раз и ещё раз открывал приложение и с упоением разглядывал на счете огромную сумму...

Квартиру продал и уехал в другой город. Но этот город являлся для него пересадочным пунктом. Утром на перрон вышел ничем не примечательный молодой мужчина, а вечером вернулся бравый спецназовец в камуфляже с кучей орденов на груди и «Золотой медалью» Героя России. Немного неумело он крутил колёса инвалидной коляски, но старался держать спину прямо. Капитан спецназа Александр Трензель многое повидал на своём веку, и подумаешь инвалидная коляска.

Прохожие кидали на него чаще сочувствующие взгляды, реже безразличные, а он высоко задрал голову, потихоньку катил к своему вагону.

Молодая проводница жалостливо взяла протянутый билет, сверила с документами. Опустила платформу для подъёма коляски, легко управляясь с пультом. Александру ни разу не доводилось видеть такое сооружение в поездах.

– Спасибо, красавица! – улыбнулся он во весь рот. – Вот и о нас, инвалидах, позаботились. Был бы не увечным, я бы вас на свидание пригласил. А с таким вы вряд ли пойдёте.

Девушка слегка покраснела.

– Я замужем, но вот если бы была свободна, то с удовольствием бы согласилась.

– Эх, а я уже губу раскатал, – ещё приветливей улыбнулся Александр. – Но на чай придёте? У меня торт с собой.

Девушка улыбнулась в ответ, пропуская пассажира внутрь вагона.

– Приду. Как не уважить такого героя.

Ордена на кителе победно звякнули, а взгляд проводницы задержался на звезде Героя России.

Купе оказалось просторным. С одной стороны две полки, видно верхняя для сопровождающего, с другой – кресло. Рядом с креслом можно поставить коляску. Санузел так вообще сказка! Места много, есть где развернуться. Всё расположено удобно.

Александр умылся и посмотрел на себя в зеркало. Тёмные глаза, аккуратно подстриженные усики, чисто выбритый подбородок и боевой чуть заметный шрам от брови уходящий к виску. Его он, правда, получил ещё в детстве, когда играли на развалинах какого-то старого сооружения. Прыгнул из окна первого этажа в траву, наткнулся на арматуру. Крови было

много. А вот боли он почти не почувствовал. Друзья помогли дойти до медпункта, где ему и наложили два шва.

Друзья-то прошли Афган. Точнее прошёл один, а второй там остался навсегда. Дружба с вернувшимся оттуда, не задалась. Разного они поля ягоды оказались.

И вот теперь капитан Трензель оплакивает своих друзей, с которыми воевал в горах Афганистана. Многие остались там, а он за вынос с поля боя под ураганным огнём врага, нескольких раненых, получил свою первую награду. Он скосил глаза на орден Красной Звезды и действительно всплакнул.

Через час после отбытия поезда к нему заглянула проводница и улыбнулась.

– Если чего желаете, то могу принести. Про чай я помню. Сейчас я сменилась и могу немного с вами посидеть.

– Просто принесите чай. Остальное у меня всё с собой, улыбнулся он в ответ, выставляя на стол торт, конфеты, пирожное.

Анна, так звали проводницу, сладкого съела всего маленький кусочек. Она с интересом слушала рассказы капитана, иногда что-то спрашивала.

– А после одной спецоперации меня наградили краповым беретом и краповыми сапогами. Для спецназовца – это большая честь, – вещал Александр, раскрывшей от удивления рот девушке.

Идиллию прервал старичок в пиджаке с огромным количеством наград.

– Вот вы где, Анечка! Я вас искал. Хотел поблагодарить за помощь. У нас тут герой! Как вас звать молодой человек?

– Александр, – немного смущённо подал руку Трензель.

– Капитан, а я вот войну закончил майором в спецподразделении, – сказал Тюляпин, устраиваясь по приглашению хозяина купе на его полке. – Майор в отставке Тюляпин Аркадий Иванович.

– Капитан Трензель Александр Александрович.

– Ой, а расскажите и вы, что-нибудь о войне! – попросила Анна заслуженного ветерана Великой Отечественной войны.

– Под коньячок оно бы хорошо было рассказать, – усмехнулся он, – но раз у вас нельзя этим баловаться, расскажу так. Это уже в Германии случилось. Слышали про Зееловские высоты? Так вот. Довелось мне в составе восьмой гвардейской армии генерала Чуйкова брать эти высоты. Много народу полегло. Били прямо в лоб! А у немцев там – противотанковые рвы, канал, бетонные укрепления, невероятное количество пушек и танков, огромное количество пехоты. А Жуков нам не выделил даже танков. Пушкарей и то немного, чтобы значит, они вели дуэль артиллерийскую. Всё вокруг гудит, свистит, взрывается, кажется, что сейчас следующая пуля или снаряд твои. Страшно. А мы лезем вперёд. Сапёры только наведут переправу через канал, а её тут же немецкие пушки уничтожают. Только наведут и опять надо делать. Мои ребята проскочили ещё по первой переправе и оказались нос к носу с немцами. Сначала перестреливались, а потом в рукопашную пошли. Гимнастёрку от крови хоть выжимай. Вот орден Красной звезды за тот бой получил. Одного фрица голыми руками задушил.

Тюляпин даже поднял трясущиеся руки на уровень стола, и показал как он душил немца.

– Вы жестокий, – раздался юношеский голос от двери.

Все трое обернулись в ту сторону. В дверях стоял юноша лет шестнадцати.

– Почему я жестокий? – переспросил Тюляпин.

– Он не хотел вас убивать, а вы его задушили!

– Откуда, вы знаете молодой человек, что он не хотел меня убивать?

– И так понятно, раз вы его задушили. Он не сопротивлялся! Иначе не смогли задушить!

– Эх, современная молодёжь, и чему вас только в школах учат? – вздохнул Тюляпин.

– Наш учитель истории рассказывал, как Сталин отдал приказ убивать сдавшихся в плен немцев. Они вообще не хотели воевать, а комиссары заставляли советских солдат убивать их. Это настоящее убийство!

– Это война, сынок! – встрял в разговор капитан. – Если не ты, то тебя убьют. Немцы пришли на нашу землю, а не мы на немецкую.

– Сталинская агитка! Советы двадцать второго июня атаковали границы Германии и получили по зубам! Немецким войскам не хватило немного сил, чтобы уничтожить коммунистический режим!

– Ты это сейчас серьёзно говоришь? – капитан уловил растерянный вид ветерана, недоумевающий взгляд Анны. – Ты историю хоть учил? Несёшь такую чушь, что мне стыдно за тебя и твоего учителя.

– Государственная пропаганда сделала всё, что обвинить беззащитных немцев в агрессии. Мой доклад в бундестаге о Сталинградской битве и тысячах невинно убитых солдат Германии вызвал полное одобрение. Поэтому я уверен в своих словах!

Тюляпин мотнул головой. Он всматривался в горящие глаза подростка и понимал, что он свято верит в то, что говорит.

– Если бы не вы, герои, мы бы жили как на западе! И всё у нас было!

– Вы бы не жили. Вас бы точно уже не было, – капитан сделал глоток остывшего чая. – Славян планировали всех уничтожить. Лишь небольшое количество предполагалось оставить как рабов...

– Враньё! – прозвенел голос юноши.

– И откуда ты такой родом?

– Из Уренгоя.

Анна ушла в растерянности, оставив представителей трёх поколений выяснять правду с глазу на глаз.

– Серьёзная у тебя в голове каша, парень. Архивные документы читал?

– Советская история и архивы все подделаны! Только немецкие архивы правдивы!

– А как же ветераны? Они врут что ли? – капитан кивнул в сторону Тюляпина.

– Не врут, они просто не помнят, что было на самом деле. Им же тысячу лет и память уже того.

– Спасибо, внучок, – поджал губы ветеран.

– А то, что говорил Геббельс, правда?

– Конечно! Доктор Геббельс оболган советской пропагандой. Это был настоящий человек, искренний...

– Какой же урод натолкал в твои мозги столько... – Александр даже не знал, как это сказать мягче.

– Вы вон орденов нацепили за убийство. Вас не восхвалять надо, а судить...

Вагон вздрогнул от чудовищного удара...

Последнее, что помнил приплюснутый к стене вагона и обливающийся кровью капитан, так это женский крик, который через какое-то время отдалился и вскоре затих...

Глава 2

За всё надо платить

Голова гудела. Александр с трудом разлепил глаза. Он лежал на земле, где-то далеко грохотало, и земля передавала ему пугающий гул. Он сел и замер. Картинка перед глазами вырисовывалась странная, страшная и непонятная. Разбитый грузовик, вокруг тела мёртвых солдат в окровавленных красноармейских гимнастёрках. Рядом с машиной дымится большая воронка. С двух сторон дороги лес.

– Эт меня так головой приложило, ёшки-матрёшки? – Александр закрыл глаза, открыл, но картина осталась прежней.

С великим трудом Тюляпин встал на колени и опешил от наличия на себе красноармейской формы.

– Не понял, – завис он, пытаюсь понять, когда он успел переодеться, и что собственно произошло.

Юноша из Уренгоя сидел на пятой точке и с ужасом смотрел вокруг. Мысли путались от увиденного. Попытался закричать, но не смог. Руки и ноги отказывались подчиняться.

– Эй! Живые есть? – крикнул Александр и встал на ноги, обратив внимание, что он в красноармейской форме. – Ничего себе, коленкор!

– А ты кто? – спросил Тюляпин, вглядываясь в смутно знакомые очертания помолодевшего бывшего попутчика. – Я тебя где-то видел.

– Александр Трензель, а вы кто?

– Александр? Капитан? Вы помолодели!

– Стойте! Ёшки-матрёшки! Вы Аркадий Иванович?

– Он самый!

– Вам тоже лет восемнадцать на вид. Не знаете, что с нами произошло?

– Что произошло, не знаю. И как такое может быть? – он развёл руками в стороны, указывая на грузовик и тела погибших красноармейцев.

– Думаю, одно объяснение – мы в прошлом.

– Может кино снимают? – недоверчиво возразил Тюляпин.

– Какое кино? Мы ехали в поезде...

Немая сцена. Оба ветерана переваривали ситуацию.

– Слышите? – вдруг, замер Александр. – Кажется, что сюда кто-то едет.

– Вот и хорошо, – вздохнул Тюляпин. – Хоть узнаем, где мы и что тут происходит.

Он хотел было выйти на дорогу, но увидел танк с крестом на башне. Остановился, как вкопанный. Танк полз по дороге, огибая на повороте небольшое озерцо. Тюляпин оглянулся на Александра, тот тоже заворожено смотрел на гусеничное чудище. В ногах появилась дрожь.

– Бежим! – крикнул Александр и схватил Тюляпина за рукав. – Из кустов лучше посмотрим, что за дела творятся!

Они развернулись и сделали несколько шагов, когда голос подал один из красноармейцев:

– Какого чёрта?

– Хватаем! – буркнул Александр.

«Ветераны» подхватили его подмышки и потащили к лесу. Юноша попытался упираться, но кулак перед носом вразумил быстрее, чем слова.

Лес хоть и был недалеко, но «ветераны» запыхались. Всё-таки бег с непривычки по траве с упирающимся телом, не променад по площади с наградами на груди.

– Какого чёрта вы меня притащили сюда? И чё происходит? Нафига в форму оккупантов оделись?

– Заткнись! – Александр бросил жёсткий взгляд на юношу. – Немцы!

По дороге шла танковая колонна из нескольких десятков танков.

– Ну и что, что немцы? Мы с ними дружим, так что хватит из себя партизан строить, – сказал юноша и попытался выползти из укрытия.

Александр рванул его за ремень назад.

– Ты чё? Охренел? – взвизгнул юноша, и повторил попытку вырваться из леса.

Удар в глаз откинул его назад.

– Сиди смиренно! Дай разобраться, что тут происходит! Потом решим выходить к ним или нет!

– Чё сразу драться? – захныкал юноша, размазывая по лицу грязь вместе со слёзами.

Танковая колонна пропылила мимо и исчезла за стеной леса.

Александр с шумом выдохнул воздух и прислонился спиной к стволу берёзы. Вытер пот рукавом гимнастёрки.

– Нытик, а ты кто такой? – обратился он к хлюпающему носом юноше.

– Коля, – произнёс тот, вытирая текущие сопли рукавом. – С Уренгоя.

– Так, всё понятно.

– Что понятно, Александр? Мне вот ничего непонятно! – Тюляпин нервничал. – Эта форма. Откуда она взялась на мне? Танки эти. Вы хоть объясните.

– Во-первых. Перестань тыкать. Мы тут теперь одного возраста, если забыл. Во-вторых, мы в прошлом. Не надо делать круглые глаза. Я почему-то в этом уверен. Там, в будущем, нас уже нет в живых. Иначе, мы не сидели бы здесь. Я вот знаю, почему меня сюда закинуло.

Коля перестал всхлипывать и прислушивался к словам Александра.

– И почему? – проявил интерес Тюляпин.

– За всё надо платить, как говорится. Вы помните, как я был одет?

Оба собеседника разом кивнули.

– Так вот. Форма, награды – это всё липа. Не был я ни в каком Афгане. И звания у меня нет. Я вообще в армии не служил! Выпендриться захотелось. Только, как говорил мой отец, в жизни за всё надо платить.

Тюляпин сник, руки зашарили по поясу, наткнулись на стеклянную фляжку с водой. Непослушными руками расстегнул чехол, с трудом выдернул пробку и сделал глоток, уставившись взглядом в одну точку.

– Я уверен, что попал сюда из-за этого. За какие грехи попали вы, я не знаю.

– Александр. Саша. Я тоже ряженный. Не воевал я в Великую Отечественную. Славы захотелось, вот и надел отцов пиджак с наградами. Да потом награды матери добавил к ним, – Тюляпин вздохнул и повесил голову.

– С нами понятно. Остался Коля с Уренгоя. Для ветеранов он молод. Значит, какой-то другой грех есть. Колись, братец.

– Я...не знаю...

– Я знаю, – с сарказмом усмехнулся Тюляпин. – Он здесь для того, чтобы проверить свою версию и безвинно убиенных немцах.

– Убедительная версия. Вот так, Коля, теперь ты боец Красной Армии. Как ты там говорил? Убийцы ни в чём не повинных немецких солдат? Или что-то в этом вроде. Теперь тоже будешь убийцей. Это, Коля, война. Самая настоящая. Тут тебе в бундестаге не дадут читать лекции.

– Я не могу быть солдатом! Мне шестнадцать лет! Я несовершеннолетний!

Александр рассмеялся.

– Мы, как ты уже заметил, помолодели при переносе в другую реальность. А ты – постарел! Нас всех привели к одному возрасту. Не знаю, кто это сделал, но я, похоже, начинаю верить в бога.

– Надо идти к немцам и всё рассказать! Они поймут! Комиссары нас сразу к стенке, а они цивилизованные люди!

– Малыш! Опомнись! Это тебе не в две тысячи девятнадцатом в бундестаге выступать. Здесь другой мир! Точнее, война. С твоими рассказами тебя сочтут либо придурком и расстреляют, либо попробуют тебя использовать. Используют и всё равно расстреляют, чтобы противнику не достался. Вот тогда не факт, что советы выиграют войну. Тогда и ты уже не родишься...

– Вы не правы! Немецкая нация...

– Заткнись, нацист недоделанный! Надо думать, что делать дальше, а не выяснять гуманность нации.

Александр похлопал себя по карманам. Отстегнул клапан и извлёк на свет солдатскую книжку.

– Ого! Я при документах! Сейчас глянем. Письмо, – разочарованно протянул Александр. – Даже адреса нет. Какой-то Нине писал...

Александр, вдруг, замер.

– Выходит, что я писал? У вас, что-нибудь есть?

Тюляпин мотнул головой. Коля достал фото женщины лет сорока.

– Дай, гляну!

На обороте три слова: всегда рядом, мама. Даже даты нет.

– Приехали. Ни года, ни имён, ни части...

– Ни оружия, – добавил Тюляпин.

– Оружие! Мать его! – Александр вскочил, словно обжёгся. – Без оружия мы дезертиры! «Ветераны» боевых действий, блин...

Он оглянулся на грузовик. Слушай, а ведь в кабине должен был быть офицер. А у него точно должны быть документы! Хлюпик, сиди здесь и не дёргайся, а то второй фонарь засвечу. Понял?

Коля зло глянул на Александра и кивнул.

– Аркадий, гляди по сторонам. Проворонишь фрицев, нам хана! Понял?

– Чего уж тут непонятного, – буркнул в ответ Тюляпин.

– Тогда пошли.

Пригнувшись, они добежали до грузовика. В кабине сидел капитан с открытыми глазами. Пуля вошла в бровь. Водитель получил несколько пуль в грудь. Александр снял планшет. Вытащил пистолет из кобуры, покрутил в руках, сунул обратно, снял португую, перекинул через плечо. В кармане кителя оказалось удостоверение на имя капитана Моисеева Вячеслава Андреевича.

– Двухсотый стрелковый полк, – прочитал Александр и хмыкнул. – Надо же какая насмешка – двухсотый... Аркаша, собирай все винтовки и патроны, я осмотрю грузовик и помогу. И не забывай головой крутить во все стороны!

В кузове грузовика лежали два бойца. Александр обыскал одного, забрал патроны, ссыпал в найденную каску. Вытащил пилотку из-под второго и надел на голову. Вдруг, этот второй схватил Александра за гимнастёрку. Страшные глаза на окровавленном лице сверкнули яростью.

– Чё за хрень вокруг?

Александр с трудом справился со своим голосом, который почти пропал, после выходки раненого.

– Война, – ответил хрипло.

– Какая война? Я на КАМАЗе в поезд въехал! Я должен был умереть!

Александр замер, в голове прокрутились события до перемещения в прошлое.

– Вот ты сволота! Я ехал в вагоне, в который ты врезался! Теперь мы все вместе в тысяча сорок первом году или ещё каком, кто его знает. Тут война идёт с немцами!

– Пошёл ты со своими немцами.

– Не веришь. Куда ранило?

– Ног не чувствую и чуть выше, походу позвоночник перебило.

– Хреново.

– Мне всё равно. Я жить не хочу. Два раза пытался повешаться, не дали, спасли. Мать их. Ты хоть дай умереть или убей!

Александр смотрел на молодое лицо красноармейца, бывшего водителя грузовика и не мог понять, что он испытывает к нему: ненависть или сострадание.

– Мог бы и с немцами повоевать, погибнуть на поле боя, так сказать.

– Пошёл ты со своими немцами!

Тащить с собой самоубийцу смысла не было. Оставлять здесь, значит дать врагу шанс, что они его могут узнать о будущем. Кто знает, что может рассказать этот недоделанный шофёр немцам. Пистолет оказался в руке, словно сам по себе.

– Откуда у тебя ТТ?

– Разбираешься в оружии?

– Разбираюсь.

Александр никак не мог решить для себя, что делать. Тащить раненого с собой, не зная местности и реалий или пристрелить? Только сможет ли он выстрелить в человека? Если тащить, то, как и куда? Ему нужна медицинская помощь, лекарства, а тут даже неизвестно направление, куда двигаться.

– Чего смотришь? Стреляй! Помоги умереть!

– Немцы! Колонна пехоты! – раздался голос Тюляпина у борта грузовика.

Александр глянул на раненого, на пистолет.

– Сейчас придут немцы, если выстрелишь по ним, они тебя точно убьют. Держи, тут восемь патронов, – он вложил ТТ в ладонь раненого и бросил рядом командирский ремень с кобурой. – Авось и пару фрицев с собой заберёшь.

Бывший шофёр скептически посмотрел на Александра и сжал рукоятку пистолета.

– Сам брезгуешь или боишься?

– Шум поднимать не хочу. Немцы рядом. А нам ещё до леса добежать надо.

– Ну, бегите, – безразлично ответил раненый бывший шофёр.

Александр выскочил из кузова, подхватил две винтовки за ремень, которые подал Тюляпин, закинул на плечо. В другой руке держал каску с патронами. Бежать по траве с тяжёлыми и длинными винтовками оказалось непросто. Уже на опушке до слуха долетел выстрел.

– Застрелился, гад! Лучше бы я пистолет не оставлял!

Они вломились в лес и упали на траву, тяжело дыша, обливаясь потом.

– Кто застрелился? – зашептал Аркадий.

– Водила, который врезался в наш вагон на КАМАЗе. Самоубийца там, самоубийца здесь.

– А где Коля? – Тюляпин оглянулся по сторонам. – Коля!

Александр одёрнул его и показал на брошенные ремни с подсумками, сапёрной лопаткой, фляжкой и противогазной сумкой.

– Сбёг наш Коля, Аркадий. И я почему-то думаю, что к невинным немцам. Теперь расскажет им про будущее.

– Что он расскажет? У него извращённая история и каша в голове. Нестыковок в рассказе будет столько, что немцы примут его рассказы за сказки и враньё. Возможно, что и расстреляют.

– Ты так спокойно говоришь об этом?

– А как я должен об этом говорить? Что случилось изменить нельзя, если, конечно, не вмешается случай.

– А мы куда?

– Воевать, Аркадий, воевать. Будем отрабатывать наши награды из прошлой жизни. Лишние винтовки прикопаем. Нечего им валяться просто так.

Александр выглянул из-за дерева и увидел, как немецкая колонна проходит мимо грузовика. Несколько солдат осматривают сам грузовик и тела погибших красноармейцев.

– Аркадий, пошли отсюда по добру, по здорову. Винтовки в другом месте прикопаем. Не дай бог, в лес сунутся, а тут мы. Умирать, желания нет никакого. Новое тело – новая жизнь! Пошли, Аркадий, отсюда подальше.

– Как ты думаешь, какой сейчас год? – Тюляпин старательно обходил кочки и уклонялся от веток.

– Думаю, что сорок первый или сорок второй.

– Почему?

– На форму посмотри.

– Чего с ней не так?

– Аркадий, ты в какой школе учился? Погоны ещё не ввели, а их ввели зимой тысяча сорок третьего года. Понял?

– Понял. А к каким войскам мы относимся?

– Пехота – царица полей! В документах капитана прочитал, что мы из двухсотого стрелкового полка.

– Двухсотого? – переспросил Тюляпин. – Это так над нами посмеялись?

– Вот и я посмеялся, когда прочитал.

Через час ходьбы и кружения по незнакомому лесу, они вышли на крохотную полянку, окружённую небольшими кустарниками и молодыми сосенками. Из-под корней куста крушины бил родник.

– Красивое место! – чуть не закричал Тюляпин. – Александр, вы... ты был в Белоруси... в предыдущей жизни?

– Так, Аркаша, нам надо с тобой вливаться в этот мир. Не Беларусь, а Белоруссия. И хватит называть меня Александр! Как в американских фильмах общаемся. Зови просто Саня или Саша. Знать бы, куда мы ехали и откуда, всё легче было. Ещё, Аркаша, забудь, что была другая жизнь. Есть только эта! Одна и единственная. Понял? Ты откуда родом?

– Всю жизнь прожил в Раменском под Москвой.

– Я из Екатерин... тьфу ты. Могу ляпнуть по запарке. Из Свердловска, короче.

– Жрать хочется, – проговорил Тюляпин и его живот издал соответствующий звук.

– Жрать у нас, действительно, нету, ёшки-матрёшки. И бойцы почему-то все без сидоров. Значит, ехали ненадолго, а получилось навсегда.

– У нас и спичек нет...

– Не плачь, Аркаша, потерпи чуток. Водички студёной попей. Во фляжку набери. Земляники поешь. Аромат, какой!

Александр вдохнул запах сорванной веточки с красной ягодкой.

– Я и забыл этот запах и вкус, – проговорил он, отправляя земляничку в рот.

Тюляпин уже ползал на коленях и набивал рот.

– Слышь, Аркаш. А ты с винтовки стрелять умеешь?

– Приходилось, – ответил тот, продолжая уминать ягоду.

– Научи как с ней обращаться, а то я ведь... и в армии не служил.

– Герой России! Орденоносец! Столько врагов уничтожил, но в армии не служил! Капитан диванных войск! – расхохотался вдруг Тюляпин.

Александр хотел было рассердиться, но захохотал сам.

– Ты-то не лучше!

Час потратили на изучение винтовки соратники по несчастью. Закопали лишние, набрали свежей воды.

– Надо было часы посмотреть у капитана. У него, наверняка, они были. Ёшки-матрёшки.

– Дело к вечеру. Надо идти. Может село какое найдём. Голод притупили ягодой, но это ненадолго. Скоро животы гудеть будут.

Лес кончился внезапно. Они вышли из кустов, а впереди чистое поле и просёлочная дорога, по которой катились два велосипедиста в немецкой форме. От неожиданной встречи опешили и те, и другие. У немцев винтовки оказались за спиной, а у Тюляпина в руках. Немецкие связисты бросили в пыль велосипеды и вытянули руки вверх. Один из них что-то сказал Александру, передёрнувшему затвор винтовки.

– Чего он говорит? – спросил Тюляпин.

– А я знаю? В школе английский учил.

– И как с ними разговаривать?

– А чего с ними разговаривать? Забираем оружие и тубусы, которые на них висят.

– А с ними как? – Тюляпин кивнул на немцев.

Александр уже забрал у смиренно стоящих связистов винтовки, снял тубусы, заглянул в брезентовую сумку и отстегнул её от ремня. Немного подумал и забрал у немцев всё, что висело на ремнях.

– Можешь расстреливать, – буркнул он, отходя в сторону.

– Кто? Я что ли? – округлил глаза Тюляпин. – Я не могу убить человека!

– А я могу? – зло крикнул Александр. – Уходим! На винтовки, а то что-нибудь потеряю, пока по лесу будем идти.

Под растерянные взгляды, приготовившихся умирать немцев, они скрылись в лесу. Растолкав и распределив добычу, на осмотр решили времени не тратить, а то мало ли, связисты помощь позовут. Остановились, когда начало темнеть.

В тубусах оказались противогазы.

– Смотрел военные фильмы и всегда думал, а что у них в круглых ребристых пеналах, а там оказывается вон что. Это нам не пригодится по-всякому. Подсумки для патронов. Закопаем вместе с их винтовками. Так, фляжка и котелок. Хорошо, что с немца ремень снял, а то бы точно всё порастеряли пока убегали. Брезентовая сумка. Вот тут у них еда. Держи нож и две банки тушёнки. Ложка-вилка, таблетки какие-то и... прикинь. Аркаша! Ты не поверишь! Это же мини-плита!

– Покажи! Ничего себе немчура живёт! Слушай, а эти двое не из будущего?

– Какого будущего? Прикинь, все вещи аккуратно разложены по полотняным мешочкам. Во! Здесь бритва! Отлично. А тут у нас что? Нитки с иголками. Живём, Аркаша! Хорошие связисты нам достались!

– Коля бы их расцеловал, – буркнул Тюляпин, разглядывая непонятную массу в открытой банке. – Темновато уже. Дай ложку, попробую немецкую кухню. Это не тушёнка! Хлеб!

– Аркаша, ты меня пугаешь! Какой хлеб в консервной банке?

Зацепил своей ложкой, пожевал.

– Точно, хлеб. Охренеть! Консервированный хлеб. Я про такое и не слышал никогда! Что во второй банке?

– Здесь тушёнка.

– Слава богу!

Разобрав и поделив вещи, насытившись немецким пайком, сели у корня дерева.

– Завтра разберём, что там за пакетики у них связаны и с плитой разберёмся. Чудо техники! – фыркнул Александр. – Шинелка бы не помешала сейчас. Спать на голой траве придётся.

– Мда, мы ещё те вояки, – усмехнулся Тюляпин. – Немцев обшманали и сбежали. Они, наверное, долго не могли в себя прийти.

Александр представил на мгновение взгляды удивлённых и растерянных немцев и тоже усмехнулся.

– Я представить не могу, как буду стрелять в живого человека.

– Саня, я тоже, не знаю.

Уставшие и получившие массу впечатлений за день, уснули. Они не знали, что готовит им день завтрашний. Первый день на войне. Давно, казалось бы, закончившейся. Смирившись с новой реальностью новоиспечённые красноармейцы прижимались друг к другу спинами, чтобы согреться и смотрели пока ещё мирные сны из двадцать первого века.

Глава 3

Коля

Они воевать собрались? Против кого? Против немецких солдат, которые освобождают страну от сталинского коммунизма? Нет уж, с вами не по пути.

В траву полетел ремень со всем снаряжением, пилотка. Коля посмотрел в сторону «ветеранов», ушедших к грузовику, и пошёл вдоль опушки, укрываясь за кустами.

Если мы в прошлом, то надо идти к немецким солдатам и всё рассказать. Про будущее, про Сталинград, про битву под Москвой. Рассказать всё, что знаю. Мир надо менять.

Он шёл, не глядя по сторонам, не думая о производимом шуме. Он шёл, чтобы извиниться за свою страну, которая вероломно нарушила пакт о ненападении, которая убивала не желающих воевать немецких солдат.

И как такое может быть, что он оказался в прошлом? Может, пока он был без сознания, эти двое, подкупленные ветеранами, разыграли перед ним дешёвую пьесу? Вполне! Убийцы на всё могут пойти. Так что никакое это не прошлое. Сейчас выйду к селению, попрошу телефон и позвоню батяньке, он этих ветеранов из-под земли достанет и головы открутит за розыгрыш.

Коля подхватил палку и уже не скрываясь, шёл по пшеничному полю, накапливая в душе злость, которую он питал к двум увешанным наградами ветеранов.

Мотоцикл появился неожиданно. Занятый своими мыслями и планами отмщения за розыгрыш, Коля не услышал громкий рычащий звук. Мотоцикл перегородил дорогу, и прямо на Колю уставилось чёрное дуло пулемёта, укреплённого на коляске. Тучный немец держал на спусковом курке палец, смотрел в упор и молчал. Водитель переместил автомат на груди, чтобы в случае чего можно было схватить побыстрей. Третий немец неспешно слез с мотоцикла, поправил на плече ремень винтовки и направился к Коле.

– Ребят, вы фильм снимаете или эти двум уродам помогаете?

Немец резко дёрнул расслабленные руки вверх.

– Сдаёшься в плен, надо руки держать вверх, – понял Коля, он сносно разговаривал по-немецки и хорошо понимал речь.

В левой руке появилась боль, Коля хотел другой рукой ухватиться за больное место, но немец в коляске покачал указательным пальцем влево-вправо.

– Мне нужен ваш менеджер, – произнёс Коля по-немецки, обращаясь к стоящему рядом немцу.

Немец опешил и оглянулся на своих камрадов.

– Отвечай на наши вопросы, и там решим, стоит ли тебя вести к нашему начальству.

– Можно опущу руки?

– Стой! – ближний немец быстро пробежался ладонями по телу Коли.

– У меня нет ничего.

– Можешь опустить руки. Откуда знаешь немецкий язык?

– В школе учил.

– Ты один?

– Сейчас один, я ушёл от двух придурков, которые пошли к грузовику за оружием.

– Ты с какой части? Имя, фамилия.

– Коля Страшнов меня зовут. Я не из части...

– Ты в форме красноармейца.

– Это бутафория. Мне ещё шестнадцать. Я и оружие в руках никогда не держал. Дайте мне мобильник, я позвоню батяньке. Что у вас мобильника нет? Или денег жалко? Батянька

вам всё оплатит. Он у меня депутат. Все проблемы решить может. А мне надо вопрос решить с двумя шутниками.

– Он нас за идиотов держит? – спросил тучный у водителя.

В это время подъехал ещё один мотоцикл.

– Господин фельдфебель, – вытянулся в струнку ближний к Коле немец. – Странный русский.

– Чем он странный? – не покидая своего места, спросил тот.

– Свободно говорит по-немецки и...

– Господин фельдфебель, – Коля нагло отодвинул в сторону ближнего немца. – Мне надо батяньке позвонить, а эти мне мобильник не хотят давать.

Брови фельдфебеля вскинулись вверх и встали домиком.

– Ненавижу непонятных русских. Не знаешь, что от них ждать. Расстрелять.

Коля негодовал, что его не хотят слышать. Если это не актёры, а настоящие немцы, то они должны отнестись к нему с пониманием и обязательно помочь.

– Вы переодетые актёры? – спросил он с серьёзным видом.

Секундное замешательство и немцы все как один расхохотались.

– А этот русский мне нравится. Лейтенанту будет подарок в виде клоуна.

– Вы же цивилизованные люди! А в наш двадцать первый век, только на западе остались цивилизованные люди!

– Клоун, ты ошибся, сейчас двадцатый век, а именно тысяча девятьсот сорок первый год, – продолжая смеяться, выдал фельдфебель.

– Какой год? – опешил Коля. – Вы тоже решили надо посмеяться?

– Клоун на то и клоун, чтобы над ним смеяться, – произнёс тучный и коротко хохотнул.

– Я что в прошлом? Чем докажете, что сейчас сорок первый год? – немцы уже смеялись до слёз.

Пока продолжалась эта уморительная для солдат вермахта беседа, зрителей увеличилось. Подошла колонна из четырёх грузовиков и двух бронетранспортёров.

– Что здесь происходит? – раздался вопрос, и все смешки в момент затихли.

Фельдфебель лихо соскочил с мотоцикла и вытянулся перед офицером.

– Господин лейтенант! Задержан русский солдат. Разговаривает и ведёт себя странно. Знает наш язык.

– Подозрительно?

– Нет, именно странно.

Лейтенант глянул на русского в грязной форме и без ремня.

– Кто такой?

– Господин лейтенант! Вы офицер и шутить не будете. Какой сейчас год?

Лейтенант оглянулся на спрятавших улыбки подчинённых.

– Что значит, какой год? Ты, русский свинья, решил посмеяться над немецким офицером? – рука скользнула к кобуре.

– Нет! Если это сорок первый год, то я из будущего! Из две тысячи девятнадцатого года! Я сюда случайно попал из-за двух чёртовых ветеранов! Это они во всём виноваты! Они убивали немецких солдат! А я всегда считал немецкие солдаты освободители, и Сталин их заставил воевать!

Лейтенант задумчиво поправил фуражку.

– В кузов. Потом разберёмся.

Колю закинули в кузов, в котором сидели немецкие солдаты. Один из них сразу наступил ему на спину и ткнул винтовкой между лопаток.

Меня реально с кем-то путают. Какой к чёрту сорок первый год?

Грузовик качнуло, и ствол винтовки вонзился между лопаток, вызвав пронзительную боль. Но крик оборвался на полужвуке. Удар по рёбрам кованым сапогом выбил из лёгких весь воздух. Коля хватал открытым ртом воздух, бешено вращая глазами.

В сознании не укладывалось, что он в прошлом. Такого просто не может быть. И немцы какие-то неправильные. Хоть и говорят по-немецки, но поступают с ним как с ненужной вещью.

При каждой незначительной кочке, ствол винтовки втыкался между лопаток, а каблук сапога неприятно скользил по рёбрам. К тому лицо поднять от грязного деревянного пола кузова поднять не получалось. Коля ощущал, как занозы впиваются под кожу. Один раз он решил поднять голову, но на кочке он больно ударился о доски, из глаз посыпались искры и полились слёзы.

Надо им рассказать, что он выступала в бундестаге и сама канцлер Германии Ангела Меркель хлопала ему! Они поймут, что ошиблись и извинятся за своё поведение! А если я всё-таки в прошлом? Кто у власти? Гитлер? Да, Адольф Гитлер. Он точно меня выслушает и поможет вернуться домой! Домой... Куда домой? Если это и вправду сорок первый год, то у меня и дома нет. Расскажу про будущее. Всё, что знаю. И потомки будут мне благодарны, что смог помочь Германии освободить Россию от сталинского режима! А какая прекрасная жизнь тогда будет!..

В это время грузовик тряхнуло так, что Коля взвизгнул от боли в спине, изогнулся, поднял голову. Машину подбросило слегка вверх, а затем она резко пошла вниз. Удар головой о деревянный пол вырубил сознание.

Коля пришёл в себя от потока холодной воды. Сознание очистилось в один миг. Даже зубы стукнули несколько раз друг о друга, а дыхание перехватило. Он машинально вытер рукавом воду с лица и увидел перед собой того самого лейтенанта, с которым разговаривал в поле.

– Клоун должен смешить! – улыбаясь, сказал он, и кивнул в сторону Коли.

– Вилли, ты думаешь, этот русский может заинтересовать дядю? Он даже на солдата не похож. Думаю, он и ни разу не стрелял в людей. Я уж не говорю об убитых им, – офицер у окна улыбнулся. – У него глупый вид.

– Ты послушай, что он говорит. Возможно он и сумасшедший, но некоторые слова в его речи кажутся странными.

Коля сидел на полу, мокрый, в луже воды, смотрел на высокого офицера у окна со стаканом в руке. Он понимал, что здесь решается его судьба, поэтому внимательно слушал разговор.

– Он хорошо говорит по-немецки.

Высокий офицер, которого лейтенант назвал Вилли, подошёл к Коле.

– Ты ненавидишь Сталина? – жёсткие стальные глаза уставились на переносицу.

Коля сглотнул и всем своим нутром ощутил страх. Впервые с момента встречи с немцами сорок первого года. Голова мелко затряслась, один глаз задёргался. Коля ощутил дыхание смерти. Но в руках офицера не было оружия.

– Будешь молчать, отправишься кормить червей, – в уголке рта проскользнула усмешка.

– Я ненавижу Сталина, господин офицер, – дрожащим голосом заблеял Коля. – Я всегда уважал немецкого солдата и культуру Германии. Я почитатель музыкальной группы «Рамштайн».

На лице немецкого офицера возникло непонимание. Он оглянулся на лейтенанта. Тот лишь пожал плечами.

– А когда ты родился? – неожиданно спросил Вилли, и его взгляд обжёг Колю.

– В этом мире или в том? – начал заикаться Коля.

– В том, – немного подумав, уточнил Вилли.

– Двадцать первого января две тысячи третьего года, – выдавил из себя Коля, продолжая сидеть в луже и глядеть на офицера снизу вверх.

– В том, твоём мире Германия выиграла эту войну или проиграла? – на лице Вилли проявились заинтересованность и задумчивость.

– Проиграла...

– Не может быть! Большую часть красных войск мы уничтожили и скоро возьмём Москву! Мы уже заняли Минск! – не выдержал лейтенант.

– Постой, Гельмут, не горячись, – остановил его Вилли. – Когда закончилась война?

– В сорок пятом, в мае. Сталин взял Берлин, – Коля опустил взгляд вниз. – Я хочу попросить прощение за то, что одурманенные коммунистами люди убивали немецких солдат.

– Я думаю, что ты заслужил повышение, Вилли! Дядя будет доволен ценным кадром. Ещё один подопытный кролик для Анненербе! Срочно переправляй этого клоуна в Берлин. Охрану усиленную. С дядей сам поговорю. Даже в туалет под присмотром! Ясно?

Лейтенант вытянулся перед другом, ставшим серьёзным.

– Всё сделаю, Вилли! А если его попытаются отбить?

Вилли, наконец, допил содержимое стакана, с которым он простоял напротив Коли, нахмурился. Отвернувшись к окну, тихо, чтобы не слышал русский, произнёс: уничтожить!

– Охрана увести пленного! – крикнул лейтенант.

Два немецких солдата сразу же появились в комнате, схватили Колю под руки и уволокли.

– Он не должен попасть к красным, Гельмут. Ни при каких обстоятельствах. Проинструктируй охрану.

Лейтенант ушёл, а Вилли, продолжая держать в руках теперь уже пустой стакан, свободной рукой расстегнул мундир. Ему стало жарко. Хотелось задать этому странному русскому множество вопросов, но он остановил себя. Многие знания, могут повлечь за собой большие проблемы. А проблемы Вилли не любил. Карьеру делать не стремился. Он сейчас обдумывал, стоит ли звонить дяде и ставить его в известность о произошедшем. С одной стороны, если расстрелять, то Гельмут промолчит, а солдаты ничего не поняли. Русский для них просто клоун, который хочет жить. С другой стороны, сведения могут помочь выиграть войну и не донесение о столь интересном русском могут расценить как предательство. Вилли подошёл к окну и уставился на скамейку под яблоней. А если русский обманул, то...

Резко развернулся к столу, со стуком поставил стакан на столешницу.

– Надо докладывать дяде, – решительно сказал Вилли и ударил кулаком по столу, отчего стакан упал набок и покатился к краю столешницы, но упасть он ему не дал.

Два грузовика, два мотоцикла и бронетранспортёр вышли из деревни рано утром. Командовал колонной тот самый лейтенант, который пообещал доставить необычного русского пленного в Барановичи на железнодорожный вокзал, где должны встретить представители контрразведки. Путь не близкий. По лесам болтаются много красноармейцев, которые почему-то не собираются сдаваться в плен. Дело времени, леса от них в скором времени очистят, главное сейчас проскочить и не нарваться на каких-нибудь фанатиков. Они могут и в одиночку атаковать колонну, презирая смерть. Вообще все русские странные, совершенно не похожи на солдат западных стран. Те же французы, понимая, что сопротивление бессмысленно, поднимают руки и сдаются в плен. Русские сражаются до последнего даже в самой безнадёжной ситуации. И ведь зачастую нет комиссаров, а они воюют. Сложно понять, зачем и для чего такое упорство и презрение к жизни.

Взрыв прозвучал неожиданно. Бронетранспортёр подкинуло вверх и ударило о землю. Зубы клацнули, в боку появилась нестерпимая боль. Гельмут начал заваливаться набок, а рука машинально выхватила из кобуры пистолет. Сознание гасло. Рука вытянулась в сторону пленного русского и три выстрела подряд стали последними в жизни немецкого лейтенанта.

Коля не был связан, но два рослых немца постоянно находились рядом в готовности применить силу или оружие. Осознание того, что это действительно прошлое, уже пришло.

Появился постоянный страх, который он никак не мог понять. Вроде его везут в Берлин, ни разу не били, обращаются порой грубо, но терпимо. Накормили хорошо. Но этот неосознанный страх не давал покоя. Неожиданный взрыв откинул Колю к одному из охранников, а второй завалился сверху, прикрыв обоих. В ушах стоял звон, глаза слезились, в горле першило, плюс тяжёлое тело второго охранника. До слуха, словно через вату, донеслись три выстрела совсем рядом. Хотелось выбраться из-под завала тел, но сил не хватало. Он прислушался. Сквозь звон определил, что идёт бой. Выбраться можно, но надо ли? Прилетит ещё какая-нибудь шальная пуля. Значит, придётся ждать, кто выйдет победителем.

Сколько по времени длился бой, Коля определить не смог. Слышимость вернулась, звон прошёл, голова перестала гудеть. Кажется, стихло. Он, работая руками и ногами, отпихнул немца, увидел окровавленного лейтенанта...

Коля не помнил, чтобы его так полоскало когда-либо. Всё, что он съел на завтрак, вырвалось наружу и покрыло дно бронетранспортёра, смешиваясь с кровью трёх погибших немцев, разорванных осколками. Рвотные позывы продолжались и после того, как съеденное покинуло желудок. Ужасно разболелась голова.

– Закончил? – вопрос прозвучал как выстрел.

Коля медленно оглянулся на голос. В открытых дверях бронетранспортёра стояли два бойца в красноармейской форме.

Глава 4

Боевое крещение

Проснулись от прохлады, которая заставила трястись мелкой дрожью всё тело. Вскочили и начали делать согревающие упражнения. Сон испарился без следа.

– Жаль, что у них фонарика не было, – выдохнул Тюляпин. – Разобрали бы лут, может и костёр смогли бы разжечь.

– Аркаша, ты любитель компьютерных игр?

– Играл в «Сталкера».

– Тебе же там было за шестьдесят, а ты как мальчишка в «Сталкера» рубился?

– А чего такого? Прикольная игрушка.

– Теперь ясно. А то я думаю, где ты молодёжного сленга хватанул?

– С кем поведёшься, – заулыбался Тюляпин. – Может именно это увлечение и омолодило.

– Скажешь тоже. Здесь мы незаконные награды отрабатываем. Я точно знаю. Откуда – не спрашивай. Просто знаю, и всё. Скорее бы уж рассвело, ёшки-матрёшки.

Пока махали руками, дрыгали ногами, совершали небольшие пробежки, начало светать. Тюляпин наткнулся на родник.

– Аркаша! Тебя куда не отправь, ты всегда находишь воду. И не абы какую, а родник, чистой слезы вода! Интересно, в пустыне бы так смог? – веселился Александр, умываясь обжигающей кожу холодной водой.

Тюляпин не отставал и даже попытался скинуть гимнастёрку и облиться. Хватил одного котелка. С непривычки сердце зашло, дух перехватило, иначе бы закричал на весь лес.

Лес постепенно оживал. Первые солнечные лучи упали на верхушки деревьев, а наши герои принялись к осмотру захваченного добра.

– Вот как прочитать немецкую надпись? Бронтокль какой-то получается, – Александр отставил в сторону банку и взял другую. – Тут вообще никакой надписи.

Вторая банка встала рядом с первой. Два пакетика с нарисованной головой петуха расцелили, как куриный суп. Странный оранжевый кругляшок с надписью «Шока-кола» был вскрыт и встречен одобрительными возгласами. Шоколад! Осталась ещё одна упаковка, от надписи которой, завис Александр.

– Ты чего, – удивился Тюляпин и взглянул на буквы. – Ого! Нескафе! Нестле! Так это же кофе!

– Я Аркаша всего ожидал, но чтобы знакомые названия! Аж сердце кольнуло от ностальгии, – Александр выдохнул. – Таблетки похожи на сухое горючее. Если это так, то и принцип плиты становится понятен.

– Ты свою фляжку проверял? – загадочно улыбнулся Тюляпин.

– Нет, а что там?

– Хорошие фрицы попались. Шнапс! Живём, Саня!

– Я как-то равнодушен к алкоголю, – проверил свою фляжку и сморщился от запаха спирта. – Это НЗ. Надо сидор где-то раздобыть, а то эти немецкие сумки на ремне как-то не очень.

– Давай супчик, сварганим, – глаза Тюляпина засверкали.

– Жиденькое пойло получится, – почесал подбородок Александр. – Неси воды. А где мешочек с бритвой? А вот, нашёл. Зеркало бы ещё.

– Ты чего бриться собрался? – искренне удивился Тюляпин.

– Ненавижу щетину.

Собрали дрова, сложили костерок, повесили котелок с водой. В углубление плиты положили таблетку сухого горючего.

Александр вдруг засмеялся.

– Ты чего?

– У тебя спички есть?

– Откуда?

– Тогда суп готов! Надо было по карманам пошариться у фрицев. Вот, что значит не курящие. Минус нам обоим. Огромный и жирный. Открывай банку с надписью. Посмотрим, что это за Бронтокль.

Тюляпин легко вогнал нож в крышку банки, словно всю жизнь занимался этим делом.

– Квашеная капуста, – разочарованно пробормотал он.

– Вот даёт немчура! У них всё законсервировано, даже хлеб! Ты, Аркаша, нос не вороти, через пару дней и огрызку сухарика рад будешь, если с продовольствием не наладится. Где же мы находимся? Знать хотя бы примерно, то можно сориентироваться немного. Хлеб баночный остался? Вот с ним капусту и пожуём.

Оставшуюся провизию покидали в одну сумку, в другую отправили патроны от «мосинки». Немецкие винтовки заложили травой вместе с боезапасом к ним. Банки из-под консервов закопали. Теперь у каждого был свой бритвенный прибор, две фляжки с водой и со шнапсом, столовые приборы, нитки с иглками и брезентовая сумка.

Александр с трудом побрился и остался доволен немецкой бритвой. Тюляпин категорически отказался от бритья.

Шли неспешно, прислушиваясь и приглядываясь. Вчерашняя неожиданная встреча хоть и принесла дивиденды, но могла закончиться печально. Наученные горьким опытом, «ветераны» стали осторожнее.

– Ты знаешь, Саня, я не представляю, как буду убивать. Понимаю, что без этого никак, но и принять не могу.

– Эх, Аркаша, думаешь, у меня другие мысли? Стой! – вдруг воскликнул Александр. – Смотри!

По лесу бежали трое детей. Бежали они немного в стороне от них.

– Не нравится мне это. Давай, Аркаша, за ними. Хоть узнаем, что где и как.

Через какое-то время они наткнулись на лежащих ребят в небольшом овраге. Девочка, по виду старшая, и два мальчика лет десяти-двенадцати. Лежали, уткнувшись в траву, и тяжело дышали после долгого бега.

Александр знаками показал Тюляпину идти в обход. И когда тот появился с другой стороны, вышел из-за укрытия.

– Далеко бежим? – спросил Александр, держа в руках винтовку, направленную на детей.

Один из пацанов хотел было сигануть в противоположную сторону, но встретился с винтовкой Тюляпина.

– Мы не желаем вам зла, – начал Александр, не зная, как правильно сказать то, что хотел. – Мы бойцы Красной Армии. Вы из какой деревни и что это за местность?

– Нет больше никакой деревни! – зло выпалил чернявый мальчик, который пытался бежать.

– Почему нет? – не понял Александр.

– Немцы сожгли. Чёрный дым не видели что ли? – ответила девочка.

– Мы видели только вас, к деревне выйти не успели, – Александр забросил винтовку на плечо. – А что с жителями?

Девочка опустила взгляд и всплакнула.

– Они всех сожгли, – ответил мальчик, лицом похожий на сидящую рядом девочку.

Александр опустился в траву.

– Как вы уцелели?

– Мы за ягодой ходили, а когда пришли...

– Меня Саней зовут, – глухо произнёс Александр, прокручивая в голове сказанное мальчиком.

– Андрейка, это моя сестра Катя, и мой друг – Стёпа.

Александр крепко задумался. Бросать детей нельзя, но и идти с ними – подвергать опасности. Раньше ему не приходилось ломать голову над такими задачами. Был он, любимый, и всё. Теперь надо что-то решать.

– Мы вас не бросим, ребята, – неожиданно прорезался голос у Тюляпина. – Пойдёте с нами, а там что-нибудь придумаем.

Александр только кивнул на его слова, а сам подумал: ещё бы знать куда идти.

– Где мы хоть находимся?

– Там, – махнул рукой за спину Андрейка, – Стрельцы. А там, – он махнул на восток, – Кривошин.

Затем ткнул пальцем вперёд.

– Там Липск.

– Так, понятно, что ничего непонятно. Украина или Белоруссия?

Все трое посмотрели на Александра с таким видом, словно он неудачно пошутил.

– Белоруссия...

– Ну вот, хоть что-то проясняется. А какой большой город отсюда ближе?

– Барановичи.

– Это уже теплее, – заулыбался Александр. – Может, и число подскажете?

– Дядь, вы, правда, наши? – вдруг спросил Стёпа.

– Наши, только вот потерялись. Грузовик подбили, всех убили, а мы скитаемся по лесу.

И даже не знаем, какой сейчас день.

– Двадцать седьмое июня, – сказала Катя и вытерла слёзы. – Вы не прогоняйте нас. Мы с вами пойдём. Дядька Архип в полицаи пошёл и сам поджигал сарай, куда всех жителей согнали. Мы поклялись – убьём его, что бы это нам не стоило. Отомстим за наших родителей и всех жителей деревни.

– У него займка тут недалеко, – продолжил Андрейка. – Он из всех домов взял всё, что понравилось, а потом ходил и поджигал каждый дом.

– А чего бежали сломя голову? За вами, я так понимаю, никто не гнался.

– Так мы на займку и бежали! – Андрейка вскочил на ноги.

– Он и ещё какие-то двое, Анютку с собой забрали. Вот мы решили её освободить, а их убить, – последнее слово Катя произнесла со злостью.

– И как собирались убить?

Андрейка достал из своего сидора наган и с гордостью продемонстрировал Александру.

– Вот тебе и ёшки-матрёшки, – удивился Александр.

– А стрелять умеешь? – улыбнулся Тюляпин.

– Чего тут уметь! Тут даже медведь разберётся!

– А патронов много?

– Один, – протянул голосом Андрейка и глубоко вздохнул.

– Нет, ребята, так дела не делаются, – улыбнулся Александр. – У вас всего один патрон, а у них три винтовки патронов штук по пять на каждого из вас. Как думаете, у кого преимущество?

Ребята повесили голову.

– Ладно, ведите, посмотрим на вашего Архипа и его займку. Может, у него и поесть чего раздобудем.

Заимка стояла на поляне с трёх сторон окружённая лесом. Кроме основного дома виднелись и другие постройки: сеновал, сарай, навес над поленницами дров и баня.

Александр увидел баню, почесал шею.

– От баньки я бы не отказался.

– Мечтать не вредно, – буркнул Тюляпин и склонившись к уху Александра, прошептал, – Убивать будем?

– Одного надо взять живым, остальных... убьём.

– Я боюсь, что не смогу выстрелить.

– А ты, Аркаша, представь, что в той деревне, в сарае, сгорела вся твоя семья. Мать, отец, дед с бабкой, жена беременная с тремя детьми, где старшему вот-вот стукнуло восемь годиков...

– Пошлите поближе, – вклинился между ними Андрейка.

– Стой! – зашипел Александр и схватил мальчика за рукав. – Слышишь?

– Они ещё только едут, – зашептал Андрейка, обдавая горячим воздухом ухо Александра. – Мы-то напрямую, через лес, а они по дороге, которая огибает лес. Вот мы их и опередили.

– Аркаша, что будем делать?

– Давай посмотрим, сколько их, а потом как стемнеет...

– Тогда будем ждать и наблюдать.

Три подводы, три мужика с винтовками и белой нарукавной повязкой с какой-то надписью. На третьей подводе сидела связанная по рукам и ногам плачущая девушка лет двадцати с кляпом во рту.

Александр подумал о бинокле и даже крикнул от досады, что его нет под рукой. Архип выделялся своим видом. Высокий, широкий в плечах, на голову выше двух других, которые явно являлись его подчинёнными. Узлы, сундуки, какие-то металлические предметы перенесли в сарай.

Двое начали распрягать лошадей, а вот Архип взял на руки, словно игрушку, девушку и направился в дом. На крыльце остановился и отдал указание подчинённым.

Пока наблюдали, проголодались. Александр вытащил из сумки кругляш шоколада и протянул девочке.

– Раздели с ребятами.

Ближе к вечеру два полица решили умыться, разделись по пояс и начали плескаться, словно дети. Кричать, смеяться. Вести себя так, будто никакой войны и рядом нет. Оружие они оставили у крыльца.

– Аркаша, Андрейка, за мной. Катя, Стёпа, чтобы ни случилось – сидите на месте. Ясно?

Дождлся одобрительного кивка, двинулся по лесу к месту, где деревья подходили ближе всего к дому.

Собаки не было. Это плюс. Зарезать по-тихому полицаев не получится. И боязно. Штык-ножи с немецких винтовок снять не додумались. Штык от «мосинки» Александр использовать побоялся.

– Андрейка, можешь незаметно подобраться к крыльцу и стянуть у них винтовки?

Андрейка оценивающе осмотрел место действия и кивнул в знак согласия.

– Как только Андрейка спрячется с винтовками, мы скрытно бежим к крыльцу и врываемся в дом. Надо грохнуть Архипа до того, как оклемаются эти двое. Это наше боевое крещение, Аркаша, и тут либо ты, либо тебя.

План почти получился. Легко добрались до крыльца, проникли в сени, вошли в дом. В комнате Александр запнулся за бросившегося под ноги кота и зацепил винтовкой какой-то предмет. На грохот выскочил огромного роста детина в кальсонах и мощным ударом отправил Тюляпина в глубокий нокаут. Александр, стоя на одном колене, ударил мужика стволом вин-

товки снизу вверх и тут же получил удар по голове. Глаза полезли из орбит, рассыпая вокруг яркие светящиеся искры. Словно молот опустился на голову, а не кулак...

Александр открыл глаза от частых ударов по лицу. Открыл глаза и увидел над собой заплаканные глаза симпатичной девушки. Хотел улыбнуться, но не смог.

– Там ещё двое. Надо что-то делать. Иначе они нас убьют, – залепетала она.

Александр, преодолевая боль сел. Перед ним стояла на коленях полуобнажённая девушка в разорванном платье, а рядом лежало тело того самого детины, который отправил в нокаут обоих горе-воинов. Под телом растекалась лужа крови.

– Ёшки-матрёшки! Ты чем его так? – спросил он, проверяя пальцами целостность своей головы.

– Топором, – опять пролепетала она.

Александр медленно поднялся, опираясь на винтовку, остановившись взглядом на окровавленном топорище.

– Приведи в чувство Аркашу, – сказал он, с трудом отводя взгляд от орудия убийства.

Полиции перестали плескаться и вытирались полотенцами, о чём-то негромко переговариваясь. Из окна кухни, откуда наблюдал Александр, стрелять было невозможно. Тюляпин, несмотря на все старания девушки, в сознание никак не приходил.

– Живой хоть? – с волнением спросил девушку.

– Живой, – откликнулась та.

Александр медленно вышел в сени, приоткрыл дверь. Вот они. Один стоит спиной к дому, второй виден лишь наполовину. Как там показывал Тюляпин. Передёргиваем затвор, прицеливаемся в затылок стоящего спиной, выстрел. Сухой, хлёсткий. Сильно ударило по ушам. Отдача такая, что чуть не остался без руки. Не обращая внимания на боль в плече, быстро передёрнул затвор.

– Руки вверх! – закричал он не своим голосом.

Александр с удивлением обнаружил, что один неподвижно лежит на земле, а второй стоит на колене и зажимает рукой окровавленный бок.

На молодом лице читался ужас.

– А ты снайпер, оказывается!

Александр вздрогнул от голоса рядом.

– Одним выстрелом двоих.

– Я вроде в голову стрелял, – пробормотал Александр.

– Так это и так видно, – хотел было засмеяться Тюляпин, но схватился за затылок. – Терминатор какой-то. Одним ударом чуть не убил. Странно, что сотрясения мозга нет.

– Уверен, что сотрясения и мозга нет? – выдал Александр, приходя в себя.

– Чего? – пытался переварить услышанное Тюляпин. – Саня! Ну ты и...

В это время раздался ещё один выстрел из винтовки. Раненый полицейский вздрогнул, на груди расплылось красное пятно, и упал вниз лицом.

Из-за дома с довольным видом с винтовкой в руках вышел Андрейка.

– Видал! А ты, Аркаша, ещё ни одного врага не убил. Тут вон дети предателей штабелями укладывают налево и направо. Учись!

– Сам-то случайно завалил одного и уже – учись!

– Андрейка, зови наших, а мы пока тут приберёмся и осмотримся. Пуля прошла пробила кожу первого и вошла во второго. Этот, – Александр пнул по ноге убитого Андрейкой, – легко отделался бы, если не малец. У меня рука, наверное, не поднялась на раненого.

Взгляд Александра выхватил на крыльце Анютку. Она стояла, запахнувшись в широкий мужской пиджак, и смотрела на спасителей. Её взгляд уже не был безумным и страшным, каким он показался в доме. Девушка была очень симпатичной...

Александр отвернулся. Не до девушек. Вдруг кто-то враждебный заглянет случайно на заимку. И конец придёт отряду. У нас и правда, получается пионерско-«ветеранский» состав. Будто кто-то невидимый продолжает шутить над ними и подкидывает заковыристые задачки.

– Анюта! Собирай всё что можно из съестного, что может пригодиться нам всем в пути, – распорядился Александр, мельком глянув на девушку и заметив, как она радостно кивнула. – Аркаша, собери оружие, пошарь у этого борова в закромах, в доме. Думаю, у него есть и припрятанное оружие, где-нибудь в подполе. Я осмотрю постройки во дворе.

В это время подбежали ребята. Андрейка с винтовкой.

– Не тяжело? – спросил Александр.

– Привычно, – отмахнулся мальчик. – У нас в деревне и не такое таскать приходилось.

– Дайте мне оружие, – попросил Стёпа и просительно посмотрел из-под большой отцовской кепки прямо в глаза Александру.

– Обращаться умеешь?

– Мне Андрейка покажет! – радостно блеснули глаза мальчугана. – Его тятя охотником был и Андрейку научил!

– Вот оно что! – сказал Александр вслух, а про себя подумал, – Выходит, малец не случайно в предателя попал первым выстрелом. Случайно убил полиция я.

Сборы были недолгими. Андрейка настоял забрать лошадей и перекинуть через них узлы с продовольствием и оружием, чтобы на себе не нести. К тому же у Архипа нашёлся трёхлитровый котелок для готовки пищи на огне. Взяли всё, что посчитали нужным. Решили в ночь на заимке не оставаться. Андрейка взял на себя функции проводника. По темноте отмотали несколько вёрст по дороге, а затем свернули в лес и расположились на днёвку у квакающего болота.

Глава 5 В чём виновен?

Тучный особист сверлил глазами Колю. Табурет, на котором тот сжался в комок, жалобно поскрипывал от малейшего движения. Комиссар полка сидел в углу землянки и курил папиросу за папиросой. Командир полка вышагивал взад-вперёд, забыв про тлеющую самокрутку. Коля затравленно украдкой, исподлобья поглядывал на каждого из них.

– Начнём по новой. Как попал в плен? – наконец произнёс особист, придвигая к себе лист бумаги.

– Шёл по полю и... попал в плен.

– Кто-то ещё из вашего отряда выжил после бомбёжки?

– Эти двое «ветеранов» с которыми я ехал в поезде.

– В каком поезде? Какие ветераны? Совсем с катушек слетел, Страшнов? Ничего и никого он не помнит. Поезд какой-то приплёл, ветеранов каких-то. Ты к немцам добровольно вышел? Я спрашиваю – ты добровольно сдался в плен?!

Лицо особиста приняло странный цвет в отсвете керосиновой лампы. Густые брови соединились, образовав единый массив.

– Отвечать! – рявкнул он и ударил кулаком по столу.

Коля покраснел.

– Я шёл по полю, а они на мотоциклах. Я что мог сделать? – на глазах выросли слёзы.

– Расстрелять к чёртовой матери! – горячился особист.

– погоди ты, Андрей Львович, это мы всегда успеем. Страшнов, а как так получилось, что тебя везли в бронетранспортёре не связанного? Ты согласился им служить или на них работать? Чем ты их заинтересовал?

– Я рассказал про будущее, – буркнул Коля.

– Опять двадцать пять! Так ты у нас пророк оказывается! Часовой! Расстрелять!

– Андрей Львович! погоди! Тут что-то не так, – комиссар закурил новую сигарету. – Ну, допустим, ты из будущего. Я, говорю, допустим, – он остановил раскрытой ладонью готового взорваться особиста. – Что ты можешь рассказать о будущем?

Коля встрепенулся. В голове бушевал шторм. Полный хаос.

– Россия победит... Я хотел сказать СССР победит в войне, – он заметил, как переглянулись комполка с комиссаром. – Девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Потом парад. Америка много сделает для победы. Будут штрафные роты, куда наберут уголовников и всех, кто был в плену, и будут кидать на пулемёты до последнего солдата. Вырастут новые города, построятся новые корабли и самолёты. Гагарин полетит в космос. Интернет будет!

– Заканчивай комиссар, – бросил комполка и вышел из землянки.

Они верили Коле! Злые коммунисты ему не верили! Они смотрели на него как на предателя. А ведь он всегда хотел правды! Она горькая, но она – правда! Так говорил учитель истории! Гитлер вовремя начал войну, иначе Сталин оккупировал бы Европу. А это вообще не хотят слушать про будущее. Как сказать им всю правду? Они отравлены коммунизмом! Европа несёт нам свободу, а они сопротивляются! Варвары!

– Вот, вроде, о победе в войне говоришь, а звучит так, словно для тебя это самая большая трагедия. Не понимаю я тебя Страшнов! Отец – коммунист, всю гражданскую прошёл, два ранения! Брат – командир Красной Армии. А ты – предатель. В голове не укладывается. Я ведь обещал твоему отцу за тобой присмотреть, а получается, что потерял тебя, не разглядел в твоей душе гнили. Как ты стал таким, Николай? И когда? Две недели назад в твоих глазах читалась

комсомольская решимость, а сейчас ты сидишь на стуле как кусок дерьма. Как ты мог предать свою родину, страну, товарища Сталина, своих боевых друзей? Как?

Комиссар резко встал и закурил очередную папиросу.

– Отцу твоему ничего не скажу, – и вышел из землянки.

– Самохин! Турбегенов! – закричал особист, и когда они появились в проходе, указал на Колю пальцем. – Этого расстрелять! Отведите к болоту и приведите приказ в исполнение. В военных условиях цацкаться с предателями, добровольно перешедшими на сторону врага, я не собираюсь. О выполнении доложить!

Колю схватили за воротник и грубо вытолкнули из землянки. Под молчаливыми взглядами красноармейцев он стушевался, в душе всё бурлило. Его хотят расстрелять! За правду! И расстреливать будут те, кто не понимает ничего, что на самом деле происходит! Эти вон, тоже, смотрят с ненавистью. Убийцы освободителей.

Они прошли две линии обороны, и вышли к небольшому лесу. Винтовка воткнулась стволом в спину, и Коля оступился, потеряв равновесие, упал.

Взрыв! Земля рванулась вверх и скрыла небо. Что-то тяжёлое опустилось на голову и отключило сознание.

Коля вздрогнул, ладонь превратилась в кулак, сжимая землю. Голова гудела, слегка тошнило. Не в состоянии понять где он и что с ним, он пополз. Куда? Кто его знает. Лишь бы двигаться и ощущать, что он жив. Сознание постоянно находилось на грани. Только осознать окружающее и своё состояние, Коля не мог.

Сознание вернулось от толчка обо что-то твёрдое, запаха лекарств и крови. Он застонал и тут же услышал тонкий девичий голос.

– Очнулся! Захар Трофимыч!

Коля поморщился от резкого звука, вызвавшего боль в голове и приступ тошноты.

– Что тут у нас? Ага. Сильная контузия. Фамилию свою помнишь? – тёмные глаза через стёкла круглых очков внимательно следили за движениями раненого.

Коля хотел назвать своё настоящее имя, но в памяти всплыл тучный особист с диким криком: расстрелять! Боль в голове усилилась. Всё, до чего додумался он в этой ситуации, так слегка мотнуть головой в знак отрицания.

– Ещё один безымянный, – вздохнул доктор. – Давай, Машенька, его на третий этаж к ходячим. Здесь всё забито уже.

Коля молчал, отстранённо думая о себе самом. Раненые подходили в палате, что-то спрашивали, но не получая никакой реакции, ретировались. А он лежал, уставившись в потолок, почти не мигая, и думал. Боль немного утихла, голоса раненых не раздражали, являясь своеобразным фоном к его раздумьям.

Почему они, все вот эти молодые и взрослые, женщины, мужчины и даже дети, готовы отдать свою жизнь за Сталина? Он ведь тиран! Уничтожил миллионы людей в тюрьмах и лагерях, а они продолжают за него сражаться. Почему помощь в освобождении от коммунистов они воспринимают как угрозу себе? Вчера... если это было вчера. Меня хотели расстрелять. Видно взрывом убило моих конвоиров, а я выжил. Не хотел бы я ещё раз пройти под ненавистными взглядами солдат. Они глазами меня расстреляли! И никакого сочувствия! Я, по сути, ещё ребёнок, на самом деле мне нет и семнадцати. За что мне такое испытание?

Слёзы выступили на глазах и покатались по щекам, стекая и впитываясь в подушку. Коле стало жалко себя. Отличник в школе, выступал с докладом в бундестаге! Такое некоторым даже присниться не может! А у него всё происходило в реальности...

Какая же ты реальность на самом деле? Та, которая была или та, которая сейчас? Никто не желает слушать про будущее. Принимают за сумасшедшего. Хотя нет, не все. Вилли! Вот кто поверил сразу! Надо будет найти его! Только как? Я ни звания, ни фамилии не знаю. К тому же

отсюда надо как-то выбраться. Советы меня не поймут. У них на всё одно решение – расстрел! Лучше к немцам. Они благородней и человечнее.

– Не спишь? – раздался рядом знакомый девичий голос.

Коля только повернул голову в сторону девушки медсестры.

– Ты так сильно похож на моего брата, – сказала она и присела на краешек кровати. – Где он сейчас я не знаю. Воюет. Он у меня лейтенант, пограничник! А ты очень сильно на него похож. Но не он. Это точно. Ты не возражаешь, если я иногда буду заглядывать к тебе? Я не буду мешать! Просто посмотрю на тебя, вспомню брата, и всё.

Длинные ресницы порхали, словно бабочки. Вздёрнутый носик смешно шевелился, когда она говорила. Коля смотрел на неё, сердце бешено стучало. Вот и она на стороне Сталина. Почему? Такая милая, красивая девушка! Этот вопрос он хотел было задать ей, но прикусил язык. Каждое слово может быть использовано против него. Надо молчать. Здесь все враги...

– Просыпайся! На выход! – грубый голос вырвал Колю из сна.

В голове сразу мелькнуло: они узнали кто я на самом деле и теперь уже точно – расстрел.

– Чего глазами лупаешь? – спросил боец с забинтованной рукой на перевязи. – Эвакуация! Немцы фронт прорвали. Если жить хочешь, шевелись!

Коля сел на кровати. На нём только исподнее. Он понаблюдал за суетой в палате, в голове зрел план.

Надо как-то сделать так, чтобы оказаться у немцев. Расскажу им всё как было, они найдут Вилли и я поеду в Берлин. Буду жить как нормальный европейский цивилизованный человек.

– Долго сидеть будешь? – вырвал из задумчивости всё тот же голос. – Ты ведь ходячий? Шагай вниз, там форму свою получишь.

Под тяжёлым взглядом бойца, Коля поплёлся на первый этаж. Во всём госпитале царил суета. Он хотел было получить форму, но желание быстрее оказаться по другую сторону фронта перевесило. Во дворе госпиталя такая же суета. Грузили раненых на подводы, в кузов грузовиков. Те, кто мог идти сам, формировались отрядами. Кто в состоянии держать оружие, получали винтовки. Колю интересовало другое. С какой стороны наступают немцы.

– Боец! Ко мне! – раздался требовательный голос. – Контуженый? Получай винтовку, пойдёшь с этим отрядом.

Коля машинально, не соображая, выполнил команды и уже стоял в строю среди тех, кто мог передвигаться самостоятельно.

– Направо! Шагом марш!

Колонна двигалась медленно. Впереди идущие поднимали клубы пыли. Дышать было нечем. Солнце пекло так, что хотелось найти речку, залезть в неё и не вылезать. Грузовики время от времени обгоняли и тогда от пыли вообще не продохнуть. Коля плёлся в конце колонны, винтовка казалась невероятно тяжёлой, била прикладом по ногам, которые и так еле-еле переставлялись.

Колю раздражало всё. Стонущие раненые, солнечное пекло, пыль, боец, который подволакивал ногу, длинная винтовка. Сосед, постоянно бормочущий молитву, раненый политрук, который ходил вдоль колонны и что-то пытался донести о партии и Сталине. Возможности покинуть строй не представлялось. Мысли крутились вокруг возможности сбежать, и видно, кто-то его услышал и дал такую возможность.

Немецкие самолёты появились неожиданно, на небольшой высоте из-за леса. Первым заходом расстреляли и рассеяли колонну, а потом словно играли, налетали, выпускали очередь, взмывали вверх.

Штаны Коли стали мокрыми уже после первой атаки немецких самолётов. Вой сирены поверг в ужас, ноги стали ватными. Он просто стоял и смотрел, как на него летит огромная крылатая машина. Кто-то вовремя свалил его в кювет, на месте, где он стоял, пробежали взлетающие кверху фонтанчики пыли.

Они не могут меня убить! Всех можно, кроме меня! Я за европейские настоящие ценности, за свободу и демократию! Я в бундестаге делал доклад!

Но немецкие лётчики всего этого не знали и продолжали делать новые заходы, собирая кровавую жатву. Дважды пули вонзались в сантиметрах от головы Коли, и сердце проваливалось непонятно куда.

Счёт времени потеряян, словно вечность прошла с момента налёта. Претворился убитым, но кто-то пощупал пульс, и Колю погрузили в кузов проезжавшего мимо грузовика. Опять не повезло. Удаляться от линии фронта в его планы не входило.

– Танки! – истошно закричал хриплый голос, и тут же стена земли встала у борта грузовика.

Полуторка на скорости опрокинулась набок, заскользила по инерции юзом, высыпая из кузова людские тела, словно кегли. Колю швырнуло в высокую траву, он несколько раз перевернулся, больно ударился плечом и в конце приложился головой о камень...

Перед глазами раскинулось ночное небо со звёздами и луной. Где-то вдали что-то бухало и озаряло небосклон. Тупая боль в затылке не мешала сконцентрироваться на главной мысли. Он за линией фронта или ещё нет?

В попытках перевернуться на живот, ощутил боль во всём теле. Ушибов и синяков масса, но, кажется, ничего не сломано и не вывихнуто. Вот только голова...

Он решил добраться до ближайшего леса и там отсидеться до утра, а там при дневном свете определиться с направлением движения. Хотелось пить. Попытка встать на ноги не удалась. Голова закружилась, и Коля рухнул на землю. Падение вызвало новый приступ боли во всём теле. Никто не мог ему помочь. Родители остались в другой реальности. Друзья... друзья есть всегда, если есть деньги. Просто так никто никогда не дружит. Был бы в своём мире...

Крупные слёзы потекли из глаз. Коля не вытирал их, а просто лежал и смотрел в звёздное небо. Что же это за существо, которое закинуло его на сталинскую войну? В самое пекло! В чём провинился? И почему именно он? Эти двое чужие награды цепляли и хвастались чужими или придуманными подвигами, а он никого не обманывал, говорил всегда правду, которую добывал в архивах истории школы. Что он делал не так?

Когда боль слегка притупилась, Коля перевернулся на живот, огляделся, увидел силуэт грузовика, белеющие в ночи тела бывших раненых, и выбрал направление на темнеющий лес. Пополз, обдирая руки, размазывая по лицу слёзы. Ему стало жалко себя до безумия, и страшно от одиночества. Мир к нему не справедлив.

Недалеко раздался стон, Коля замер. Кто-то из раненых выжил. Помочь ему и потом возиться с ним. Идти к немцам надо одному, раненый – обуза. Коля, чтобы сильно не шуметь, осторожно отполз в сторону от источника стога. Дальше, он присматривался в темноте к белеющим точкам, и успешно их огибал.

Спасительные деревья лёгким шелестом приветствовали его на опушке. Настроение улучшилось. Сейчас он найдёт хорошее место, выспится, а завтра решит, как лучше действовать.

Коля долго ворочался у корня какого-то большого дерева. Ему казалось, что раненый видел его и ползёт к нему с просьбой перевязать и не бросать в поле. А когда удалось уснуть, то во сне явилась медсестра Маша со светящейся на лице улыбкой.

– Ты так похож на моего брата! Но ты не он! Он защищает Родину, а ты спасаешь свою шкуру! – она достала из-под подола белого халата гранатомёт, приставила ко лбу Коли и нажала на курок...

Коля проснулся весь в поту, попытался резко встать, но голова встретилась с толстым отростком дерева и зазвенела. Он завыл от нестерпимой боли, проклиная войну, того, кто его сюда отрядил из двадцать первого века и... Машу...

Первые лучи солнца осветили поле, скользнули по опушке, по кронам деревьев. Вчерашние боли притупились, правда, к старым добавилась новая, в виде огромной шишки на лбу. Тело слушалось плохо. Желания куда-то идти испарилось, как роса под действием солнечных лучей. Хотелось спать. Оружия у него не было, но его отсутствие нисколько не смущало Колю. Главное – оказаться в плену у цивилизованных и благородных европейцев.

Глава 6

Пополнение

Бессонная ночь вымотала. Скинули с лошадей поклажу, привязали к деревьям и провалялись в сон, сильно не выбирая место для сна.

Александр проснулся от бречания ведра. Приоткрыл глаза и увидел, как Андрейка поит лошадей. Двенадцать лет, а ведёт себя словно в двадцать. Хорошо знает местность, отлично стреляет, с лошадьми умеет управляться. Хороший парнишка. Самостоятельный, но дисциплину знает. Александр вспомнил себя в детстве и уши сразу покраснели. Жил на всём готовом, иголки в руках не держал, не то, что за лошадьми ухаживать.

Рядом зевнул Тюляпин, протирая заспанные глаза.

– Надо местность исследовать, – проговорил Александр, приводя себя в порядок. – Чтобы на немцев не нарваться.

– Что делать будем? – сдерживая зевок, спросил Тюляпин.

– По идее надо к своим пробиваться, но где наши, я понятия не имею.

– Историю не учил? – издевательски ухмыльнулся Тюляпин.

– Учил, не учил, ёшки-матрёшки, а применить к нашей ситуации невозможно. Всё в общих чертах. Минск немцы, кажется уже взяли. Киев возьмут осенью. Под Минском много солдат, в смысле красноармейцев, попало в плен. Вопрос в том, мы находимся внутри созданного немцами котла, или за его пределами?

– Извини, но здесь я тоже не смогу помочь, – развёл руками Тюляпин.

– В том всё и дело, что мы ни черта не знаем, что творится вокруг нас. Проще создать партизанский отряд, чем пробиваться к линии фронта. Вот только совладать с отрядом я не смогу.

– Давай, я обстановку разведую, – спокойно ответил Тюляпин.

– Ага, чтобы мы тебя потом всем отрядом искали? Ты же заблудишься за первым кустом.

– Не такой я беспомощный, как ты думаешь, – обиделся «ветеран».

– Аркаша, не обижайся, реалии этой жизни другие.

– Я родился через десять лет после окончания войны и захватил её последствия, которые не так просто заживают. И детство у меня было тяжёлое...

– С Андрейкой пойдёшь, он тут каждый кустик и кочку знает. Только осторожней. В перестрелки не вступать. Если засветитесь, сделайте крюк в сторону от нашей стоянки, чтобы не вывести врага на нас.

– Не дурак, – буркнул Тюляпин и принялся проверять свою винтовку.

– Я и не говорю, ёшки-матрёшки, что ты дурак. Просто реалии...

– Понятно всё, – отмахнулся собрат по «попаданию».

– Андрейка! – мальчуган подбежал и вытянулся перед ним, словно перед командиром. – Молодец! Слушай боевое задание.

Мальчишеское лицо сразу изменилось, превратившись в серьёзное и совсем не детское.

Разведка ушла. Стёпа занимался костром, Анютка с Катей кашеварили. Дыма от костра практически не было. Заинтересованный Александр присел рядом с серьёзным Стёпой, которые время от времени поправлял дрова в костре или подкладывал новые.

– Стёп, а почему дыма нет?

– Дядь Сань...

– Мы же договорились. Саня или товарищ командир.

– Товарищ командир всё просто. Дрова сухие без бересты. Можно тонкий хворост добавлять. Лучше из дерева – берёза или ольха. Осина искры даёт.

– Молодец!

Довольный похвалой Стёпа, продолжил с умным и серьёзным видом.

– Костры разные бывают. Их по-разному разводят.

– Товарищ командир, кушать будете? – спросила Анюта, стараясь не смотреть в его сторону.

– Анюта, давай уже на «ты», а то мне как-то неловко становится от этого «вы». И, кстати, я там выложил пакетики с супами. Немецкий подарок. Так что, используйте. А покушаю чуть попозже, можно горячей водички, побреюсь. Зарос. Щетина растёт не по дням, а по часам.

Добриться не дали. Стёпа прибежал и зашептал на ухо про красноармейцев, которые расположились недалеко от места стоянки отряда.

– Я только посмотрел и сразу назад. Там сухостой хороший, а тут они.

– Сколько их? – Александр затянул расслабленный ремень, поправил амуницию, взял винтовку.

– Трое, вроде, а может больше. Двое постоянно на виду были, а за кустами ещё кто-то.

– Оставайся здесь! Охраняй девчонок! Сейчас, ты – за командира!

Стёпа надулся важностью, вытянулся во фрунт, как мог.

– Отлично, боец! – похлопал он его по плечу и, вытянув руку вдоль болота, спросил. –

Они там?

Стёпа важно кивнул головой.

Александр решил зайти с другой стороны, чтобы узнать точное количество красноармейцев. Ходить тихо по лесу, как ни старался, так и не научился. Ветка треснула под ногой у самого края поляны. В спину воткнулся ствол винтовки.

– Руки в гору! Крадётся он, весь лес дрожит. Шагай вперёд, шпион! А вот винтовочка пока тебе не понадобится, – чужая рука выдернула из рук оружие. – Шагай!

Красноармейцев оказалось пятеро плюс санинструктор и раненый капитан. Все смотрели на Александра с недоверием и опаской.

Капитан сидел, прислонившись спиной к стволу берёзы. Из-под разорванной гимнастёрки виднелись бинты.

– Представьте, боец, – твёрдым голосом задал капитан вопрос.

Александр оглянулся на красноармейцев, которые продолжали держать оружие наготове.

– Красноармеец Трензель, двухсотый стрелковый полк второй стрелковой дивизии.

– Трензель? Из немцев?

– Какая разница? Ёшки-матрёшки. Родина моя здесь!

– Хорошо, – задумавшись, произнёс капитан. – Рассказывай, как сбежал с поля боя.

Александр усмехнулся.

– Нет у меня времени на рассказы. . .

– Зато у нас его достаточно, – оборвал его капитан.

– Если желаете поговорить, то прошу в распоряжение отряда, – улыбнулся Александр.

– Не слушай, капитан, диверсант это, – выступил вперёд один из бойцов. – Кокнуть его и все дела. Гладко выбрит, причёсан, упитан, форма ладно сидит. Одеколоном только не воняет. Я такую нечисть за версту чую.

– Подожди, Акимыч, не бухти, – капитан пристально посмотрел в глаза Александру, но тот взгляда не отвёл и улыбнулся в ответ. – Странный ты, какой-то.

– У меня разведка скоро вернётся. Отправил для осмотра местности, а недалеко отсюда каша готова, стынет.

– Явно диверсант! На жратву берёт! – раздался надорванный голос мускулистого красноармейца невысокого роста.

– Коробейко, Сычём! Пробежитесь-ка до его лагеря, посмотрите что там и как. А мы ещё поговорим. . .

– Оружие на землю! Всем руки вверх! – раздался жёсткий девичий голос и из кустов высунулся ствол винтовки. – Вы окружены!

Неожиданная подмога заставила Александра засмеяться.

– Всё, капитан, вы проиграли, ёшки-матрёшки. Мой отряд вас окружил и держит на мушке. Так что придётся вам разделить трапезу с нами.

Бойцы крутили головами вокруг, а капитан медленно вытаскивал пистолет из кобуры. Но вытащить ему не дал ствол в затылок.

Мальчишеский решительный голос произнёс:

– За непослушание можно получить дырку в голове.

– Остапенко, ты какого хрена не на посту был? – выругался капитан и нехотя отпустил рукоятку пистолета.

– Так ить я этого привёл, – пробормотал боец.

– Ладно, капитан, желаете оставаться голодными – ваше право. Верните винтовку и мы расходимся. У каждого из нас своя война. Вы прячетесь по лесам, а мы уничтожаем врагов и предателей. Немцы от этой сцены штаны бы испортили, смеясь.

Один из красноармейцев, считая, что его не видят, вынул пистолет, но воспользоваться им не успел. Сзади его ударили по руке, и оружие выпало на землю.

– Что же вы такие непонятливые? – Александр протянул руку к своей винтовке. – Вроде бойцы Красной Армии, а кидаетесь на своих. Вы не бросили винтовки, а зря. Одно неосторожное движение и поляна заполнится трупами. Я вот уже начал сомневаться, что вы красноармейцы.

– Хватит демагогии, – капитан поморщился, вставая с земли. – Пошли в твой отряд. – А сам зыркнул глазами в сторону невысокого красноармейца с надорванным голосом.

– Анюта, иди впереди, остальные позади, – распорядился Александр.

Ситуация была двоякой. Вроде все были свои, но возникшее недоверие не желало исчезать. Разительным было отличие одних от других.

– Девка! – присвистнул Остапенко.

Красноармейцы, как по команде, уставились на вышедшую из кустов Анюту. Она продолжала держать на мушке ближнего бойца.

Александр в это время выдернул из рук Остапенко свою винтовку и закинул её на плечо. Тот опешил, хотел что-то сказать или сделать, но так и не совершил никаких действий.

Анюта держала винтовку обеими руками на уровне пояса и уверенно шла к месту стоянки отряда. Красноармейцы не проявляли враждебных действий и спокойно шли за ней.

Вид котла с горячей кашей снял напряжение и недоверие. Вот тогда и появились перед глазами изумлённых бойцов Катя и Стёпка.

Капитан недоверчиво смотрел на Александра.

– И это весь твой отряд?

– Нет, – засмеялся он, – двое в разведке.

– Хорошо устроился, – хмыкнул капитан. – Давай знакомиться по новой. Капитан Волыкин, пятнадцатый отдельный сапёрный батальон второй стрелковой дивизии. Ты уж, извини, что так получилось. Доверия ни к кому нет. Накануне войны прислали в батальон лейтенанта, а он диверсантом оказался. Все данные по расположению ближайших частей успел передать своим. Потом подорвал оружейку и скрылся. Короче, войну начали без оружия.

– Товарищ капитан, принимайте командование, как старший по званию.

Капитан кивнул в знак согласия.

– Трензель, тогда назначаю тебя своим заместителем, – улыбнулся уже капитан. – Парень ты хваткий, как я погляжу. Мои, вон, головой думать не любят, дайте лишь врагов побольше. Что ты про предателей говорил?

Александр рассказал о сожжённой деревне, о стычке с Архипом и его подручными, об арсенале, найденном в подполе, о встрече с ребятами.

Красноармейцы сначала прислушивались, потом подсели поближе. Уж рассказывать Александр всегда был мастак.

– И что он одним кулаком тебя вырубил? – выпучил глаза Остапенко. – Такое разве бывает?

– А не врешь? – клацая зубами по ложке, спросил высокий красноармеец по фамилии Коробейко.

– Опять вы за своё. Про отряд говорил – не верили, про кашу говорил – не верили...

– Дальше что? – Остапенко даже забыл про свою кашу.

– Открываю глаза, а передо стоит красивая девушка вся в крови. Я не знаю пугаться или созерцать милое создание. А рядом лежит топор и огромный детина. Так что смотрите, если будете к ней лезть, вспомните этот случай. Тяжела рука у дивчины.

Бойцы искоса посмотрели на Анюту, которая грела воду для стирки старых бинтов.

– Что за арсенал? – спросил капитан.

– Вон в том тюке, – махнул Александр в сторону двух сросшихся берёз, – четыре винтовки «мосинки», два цинка с патронами и автомат немецкий. Только автомат без патронов. Есть четыре гранаты. Да, один немецкий автомат я отдал Тюляпину, который ушёл в разведку. Вот такой арсенал. Карты нет, к сожалению, но есть проводник.

– А сигарет нет? – спросил Остапенко. – Курить хочется, сил нет.

– Мы не курящие, и как-то на это добро внимания не акцентировали.

– Чего не делали? – переспросил Коробейко.

– Внимания, говорю, не обращали.

Капитан посерьёзnel.

– Сычѳв, Коробейко – на пост. Не хватало, чтобы нас здесь накрыли. Один с одной стороны, второй – с другой. Через два часа вас сменят. Остальные строятся!

Капитан медленно прошѳл вдоль короткого строя взад-вперѳд, задержался перед девушками и Стѳпкой.

– Эх, не женское и не детское дело, война. Только враг силѳн. И сейчас он наступает. Пока наступает. Наша задача бить врага везде, где не увидим, не давать ему покоя. Красная Армия ещѳ месяц или два – соберѳтся в кулак и ударит по агрессору так, что они покатятся обратно за границу Союза Советских Социалистических республик! Товарищ Сталин и коммунистическая партия...

Договорить пламенную речь не дал Сычѳв.

– Товарищ капитан, там раненый без сознания. Он упал недалеко от меня. Пульс есть. Плечо пробито и рука. Крови много потерял.

– Акимыч, Трензель, Кулявкин за мной, остальные разойтись.

Метров двести не дошѳл до нас красноармеец. Из оружия – наган. Ни ремня, ни амуниции, ни гимнастѳрки. Форменные брюки, сапоги и исподняя рубаха, окрасившаяся в красный цвет.

Кулявкин пощупал пульс, осмотрел бойца, сделал перевязку. Положили на землю две винтовки, соединив их между собой ремнями, аккуратно опустили на них раненого. Не суетясь, понесли в лагерь.

Документов у красноармейца не было, только ложка за голенищем сапога с выцарапанным именем – Василий. В нагане всего два патрона.

Отряд пополнился ещѳ одним бойцом, хоть и раненым.

Вечером, у костра, капитан спросил про разведку.

– Сам волнуюсь. Мальчуган брат Кати. На ней лица нет, все глаза проглядела. Если до утра не придут, то завтра будем уходить. Андрейка опытный следопыт, найдёт нас по следам. Раненый в себя не приходил?

– Нет, пока.

– Сколько ещё таких бойцов поодиночке и целыми отрядами бродят по лесам...

– Акимыча старшиной отряда сделаю, отдам ему в подчинение девчонок и мальцов.

– Андрейка, конечно, многое может и по хозяйству, но он и проводник у нас. Без него сложно будет.

– В последнем бою не заметил, как планшет с картой осколком срезало. Сейчас бы пригодилась, капитан с сожалением махнул рукой.

– Ну, чего вцепился, как клещ? – раздался недовольный голос. – Или тебе фонаря под глазом не хватает?

Капитан и Александр синхронно встали, старясь разглядеть в опускающейся темноте, нарушителя спокойствия.

Глава 7

Разведка

Андрейка шёл по лесу, словно знал каждое дерево, каждую кочку, ложбину, травинку...

Тюляпин несколько раз ловил его взгляд, который недвусмысленно говорил об осторожности при ходьбе. Но «попаданец» никак не мог научиться ходить также тихо, как и его проводник. Вроде, прежде чем ступить ногой, осмотрит место, но в ответ из-под ступни раздаётся треск непонятно как взявшейся там ветки. Он виновато смотрел на вздыхающего проводника и разводил руками в стороны, пожимая плечами.

– Мы далеко идём? – спросил шёпотом Тюляпин, когда Андрейка в очередной раз недовольно обернулся на треск ветки.

– Тут есть небольшое село. Дойдём до него. Если немцев нет, заглянем к дядьке Фёдору. Если тута немцы, то проверим соседнее село, – ответил Андрейка, покусывая нижнюю губу. И проверить надо мост через речку.

Шли долго, часто меняя направление. Как объяснил Андрейка, кругом болота и не везде можно пройти. Тюляпину нечего было возразить, и он следовал за маленьким проводником дальше.

Село открылось неожиданно. Небольшой, редкий лесок, а за ним крыши домов. Осталось пройти метров пятьсот по прямой, но Андрейка потянул Тюляпина в сторону.

– Пошли здесь, чего кругаля делать?

– Там болото. Не пройдем, – буркнул в ответ проводник. – Из леса не выходи. Я сам в село схожу и всё разужнаю.

Тюляпин хотел было возмутиться, но слишком серьёзный вид мальчика остудил «ветерана».

Его задевало то, что Андрейка взял командование на себя, хотя понимал, что так правильной, но внутренне никак не хотел с этим мириться. Всё-таки старше... в этой жизни, а если брать прежнюю, то и подавно.

Задумавшись, Тюляпин наскочил на неожиданно остановившегося проводника. С губ почти сорвались ядрёные словечки, но перед глазами вырос маленький крепко сжатый кулачок. Тюляпин вмиг остыл, увидев на въезде в село немецкий грузовик и несколько солдат в серой форме с закатанными по локоть рукавами.

– Так я и думал, – вздохнул Андрейка. – Не сожгут, так жителей перебьют.

С другого конца села в небо как-то неохотно стал подниматься темнеющий столб дыма. Тюляпин крепче сжал приклад винтовки. Автомат, который ему дал в разведку Александр, он отдал Андрейке. С винтовкой почему-то было проще и удобнее.

Дым превратился в чёрный. Столб дыма расширился, превратился в огромный смог над всем селом. Картина выглядела зловещей и страшной.

– Пошли, – мрачно, сквозь плотно сжатые зубы, процедил Андрейка, снял кепку и украдкой смахнул слёзы. – Нам тут делать нечего.

Тюляпин широко раскрытыми глазами смотрел на ползущий над селом чёрный дым, на смеющиеся лица немецких солдат и не мог поверить, что эти весёлые ребята только что сожгли население целого села. Рука машинально стянула с головы пилотку, руки передёрнули затвор...

Перед стволом встал Андрейка.

– Командир сказал в бой не вступать и себя стараться не обнаруживать, – глядя снизу вверх, произнёс он, упёршись грудью в ствол винтовки. – Пошли.

Тюляпин повиновался. К следующему селу вышли часа через три, когда солнце потянулось к закату. Петляние среди болот сильно затрудняло движение. Ноги гудели и идти отказывались.

– Мы назад к ночи не вернёмся, – предупредил Тюляпин. – Жрать хочется. Может перекусим? У меня ноги еле передвигаются.

Андрейка остановился, внимательно посмотрел на «ветерана» и кивнул в знак согласия.

– Жди здесь. Село за этим лесом. Я метнусь, посмотрю и вернусь.

Тюляпин ничего не успел сказать в ответ, как Андрейки уже не оказалось рядом. Страх, нормальный человеческий, присутствовал, но представившийся шанс прославиться перевешивал всё. То, что не удалось достичь в прошлой жизни честным путём, а только обманом, можно реализовать в этой жизни, в этом времени. Перед глазами Тюляпина замелькали красочные картинки. Он поднимается из окопа и гранатой подрывает гусеницу немецкого танка, берёт в плен его экипаж. После боя генерал жмёт ему руку и вешает орден на грудь. Вот он остаётся один на поле боя, а позади Москва! Его пулемёт точными выстрелами укладывает немцев пачками. Но что это? Танк! Гранат больше нет! Он растерянно оглядывает по сторонам и видит пушку с убитыми артиллеристами. Мчится по окопу, перепрыгивая через тела погибших товарищей. В стволе последний снаряд. Танк, словно зная, где находится последний защитник столицы, разворачивается и ползёт на Тюляпина. Пятьсот метров, четыреста, триста... Выстрел! Немецкая пуля попадает в плечо, в руку, грудь, пробивает каску. Тюляпин медленно падает, и видит, как разгорается танк. Немецкая пехота в ужасе отступает. В госпитале к нему приходит целая делегация из генералов, каждый поздравляет и жмёт руку. Вдруг, все расступаются, и входит Сталин. Улыбается и вручает Тюляпину звезду Героя Советского Союза!..

– Уснул что ли?

Тюляпин вздрогнул и поднял непонимающие глаза на Андрейку.

– Тута тоже немцы, но из жителей повесили только трёх коммунистов и местного дурачка пристрелили. На постой встали. Думаю, тут целый полк расположился. Пойдём, проверим мост через Дуняшку.

– Почему через Дуняшку? – не понял Тюляпин.

– Речка так называется, – Андрейка недовольно потёр большим пальцем переносицу. – Крестьянка утопла и по её имени так местные зовут речку. Спасалась от барина, который хотел её обесчестить.

– Хорошенькая история, – усмехнулся Тюляпин. – А официальное название у этой речки есть?

– Может и есть, но кто его знает, – пожал плечами Андрейка. – Знаю только, что где-то южнее она стекается со Щарой.

– Стекается...

– Ну, приток Щары.

– Вот оно что. А сама Щара далеко?

– Не так, чтобы далеко. Тока нам долго идти придётся, если не по дороге. Болот много.

Андрейка неожиданно вскинул автомат и выстрелил поверх головы Тюляпина. От близких выстрелов оглушило, а маленький проводник дёргал его за рукав и что-то говорил. Потом они долго бежали, а позади, звучали винтовочные выстрелы. Через десять минут быстрого бега Тюляпин распластался на траве, из лёгких с хрипом вырывался воздух.

– Надо уходить! Если полицаи пошли за нами, то лучше уйти подальше. Тута недалеко болото, уйдём по тропе, а она как выведет к дороге к мосту.

– Не могу, – тяжело ответил Тюляпин, вытирая с губ висящую слюну.

Пот катился градом, заливая глаза. Говорить было тяжело.

– Надо, Аркадий!

– Уходи. Ног не чувствую. Сил нет.

– Что я командиру скажу? Давай, помогу, – Андрейка схватил руку Тюляпина, закинул себе на плечо и помог встать.

Кое-как доковыляли до болота, идти не решились, темнело. Вряд ли полицаи полезут в ночь за ними в болото.

– Зря мы так бежали, – сделал умозаключение Тюляпин. – Они в лес далеко вряд ли бы полезли. Можно и на целый отряд нарваться. Их сколько? Три или пять. Думаю, что не больше.

Андрейка молча посмотрел на Тюляпина.

– Что? Не так?

– Командир переживать будет и Катя. Но в ночь не пойдём. Тут места опасные, можно согнуть только так. Я с отцом тут с малолетства ходил, но всё равно опасаясь. Болото оно коварное.

– Заночуем здесь, только почва здесь сырая.

– Завтра через болото не пойдём, обойдём. Потому пошли искать место для ночёвки.

– Я завтра, похоже, вообще никуда не пойду. У меня ноги почти отнялись от таких пробежек.

– Жить захочешь без ног побежишь, – с серьёзным видом резюмировал Андрейка.

Недалеко раздался треск ломающихся веток. Кто-то большой продирался сквозь сухостой. Тюляпин вскочил на ноги и передёрнул затвор винтовки. Андрейка вскинул автомат.

– Может медведь? – зашептал «ветеран».

– Медведей у нас давно нет. Или человек, или ещё кто. Может лось.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул Тюляпин, но никто на его голос не отозвался.

– Аркадий, заходи справа, я слева, посмотрим, кто это такой не смелый.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Видимость в темноте значительно снизилась, но лучше узнать, кто там, чем всю ночь ждать неизвестно чего и трястись.

Тюляпин, как ни старался ступать тихо, а шуму производил достаточно. Он осторожно раздвинул кусты, просунул голову и обомлел. Прямо на него, в полуметре от его лица оказалось чудище с рогами и громко сопело. Волосы на голове подняли пилотку. Крик потонул в волне порождённого страха. Винтовка выпала из ослабевших рук. Ноги задрожали, подогнулись, и он упал на спину. Кусты затрещали под напором огромного тела чудища. Тюляпин зажмурился. Шершавый тёплый язык коснулся его лба.

– Чего валяешься? – раздался голос Андрейки. – Корова, как корова.

Тюляпин открыл глаза. Хоть и света было мало, но теперь он разглядел. Действительно, корова. Обыкновенная корова. Он сел, руки ещё подрагивали, на лбу выступивший пот.

Андрейка взял корову за оборванную верёвку и повёл за собой.

– Вот и повечеряем молоком, – ласково поглаживая бурёнку, буркнул Андрейка. – Дай котелок, сцежу молоко, а то не доена уже вторые сутки.

Тюляпин больше слышал, чем видел, как в котелок брызгают струи парного молока. Он, если бы был один, наверное, и не смог подоить. А малышка вон легко управляется, даже в темноте. И корова стоит смирно, ногой не дрыгнет.

– Пей, – в руках Тюляпина оказался тёплый котелок. – Всё выпивай. Ещё есть.

Вкус парного молока напомнил деревню, сухонькую старушку, его бабушку, которая ловко управлялась с двумя коровами, сбивала масло, делала сметану. У неё времени светлого времени хватало на всё. В доме прибраться, огород прополоть, скотину обиходить, пирогов напечь и ещё столько всего, что маленький Аркаша завидовал её работоспособности.

– Чего опять застыл?

– Бабку свою вспомнил, – вяло ответил Тюляпин и протянул ему пустой котелок. – Жаль такую животину бросать.

– Зачем бросать? С собой возьмём.

– Куда с собой?

– Тута в стороне есть домик Митрича, пасечника. Он с весны там живёт. Вот к нему и завернём, отдадим бурёнку.

Место для ночлега Андрейка выбрал недалеко от знаменательной встречи с коровой. Сон накрыл Тюляпина моментально, как только голова коснулась травяной «подушки».

В этот раз ночь подарила давно забытые пожелтевшие фотографии отца и матери, переломившиеся в нескольких местах, порою с оторванными уголками. Подростком он часто перебирал их с любопытством и трепетом, а потом, в старших классах началась другая жизнь, и семейные фотографии ушли на дальний план, как впрочем, и желание стать профессиональным фотографом. В итоге – пиджак с наградами отца и матери стал его сомнительной славой. Что же пошло не так? Последний раз он дарил цветы матери, когда окончил школу. И... всё. Даже иногда забывал с днём рождения поздравить. То как разговаривал с ней последние лет десять, вообще заставило Тюляпина покраснеть прямо во сне. А она всегда называла его – Аркаша, и никак не иначе. Слово не было различных детских шалостей, грубого поведения и оскорбительных выражений. Он всегда для неё остался Аркашей...

Тюляпин проснулся от того, что плакал. В глазах действительно стояли слёзы. Утро только занималось. Где-то на юго-востоке слышалась канонада.

– Бой идёт. Сражаются наши, – будто прочитал мысли Тюляпина Андрейка. – Может там наши немцев остановили? Что командир решил, Аркадий? К своим будем пробиваться или в тылу воевать будем?

– Ничего пока не говорил. Разведаем, что где и как, вот тогда он решение и примет. Скорее всего, все вместе решение примем.

Тюляпин посмотрел на Андрейку.

– Ты чё, не спал что ли?

– Не стал тебя будить. Услышал сквозь сон голоса. Непонятно было, на каком языке разговаривали. Проснулся вот, а уснуть не сумел. Люди ушли как раз в сторону моста. А я сидел и думал, стоит нам туда соваться или нет. Если засекут, уйти будет проблемно. Болота, а проходов по нему нет. Остаётся только сама дорога, как ловушка.

– Если у моста засекут? Тогда проблема?

– Да. От моста километра три по сторонам топь, – глубоко вздохнул Андрейка.

– К мосту не пойдём. Эт только отряд на смерть гнать. Пошли к твоему Митричу. Гостинец отдохнул.

Андрейка согласно кивнул, закинул автомат за спину, пошептался с коровой и двинулся в сторону займки Митрича.

– Ничего пока не говорил. Разведаем, что где и как, вот тогда он решение и примет. Скорее всего, все вместе решение примем.

Тюляпин посмотрел на Андрейку.

– Ты чё, не спал что ли?

– Не стал тебя будить. Услышал сквозь сон голоса. Непонятно было, на каком языке разговаривали. Проснулся вот, а уснуть не сумел. Люди ушли как раз в сторону моста. А я сидел и думал, стоит нам туда соваться или нет. Если засекут, уйти будет проблемно. Болота, а проходов по нему нет. Остаётся только сама дорога, как ловушка.

– Если у моста засекут? Тогда проблема?

– Да. От моста километра три по сторонам топь, – глубоко вздохнул Андрейка.

– К мосту не пойдём. Эт только отряд на смерть гнать. Пошли к твоему Митричу. Гостинец отдохнул.

Андрейка согласно кивнул, закинул автомат за спину, пошептался с коровой и двинулся в сторону пасеки Митрича. Тюляпин обвёл взглядом лес и двинулся следом. Теперь громче всех шла корова.

Пасека вытянулась своеобразным языком в стороне от болот на широком пригорке, словно раздвинув лес в обе стороны. Разноцветные ульи вытянулись вдоль языка по три в ряд. И всё жужжало, летало, тихо, мирно, будто и не было войны.

Они вышли к центру пасеки, где бродил между ульев небольшого роста старик в широкополой шляпе, в одежде, напоминающий балахон, длинная седая до пояса борода и никакой защиты от пчёл.

Андрейка остановил Тюляпина, который хотел выйти на пасеку.

– Никого же нет! Дед один. Это и так видно, – отмахнулся было тот, но остановился от слов мальчика.

– Пчёлы кусают, я тебя здесь оставлю.

Тюляпин почесал затылок. Не доверять мальчишке не было никакого резона.

Старик заметил их и подошёл.

– Наконец-то хоть кто-то пришёл, – заговорил он. – Жду, всё жду, а никто за мёдом не идёт. Мёд в этом году душистый ароматный. Доброго вам здравечка. Андрейка, подросток. Совсем взрослый стал. Идёмте в дом.

И он пошёл вдоль кромки леса. Тюляпин недоумённо посмотрел на Андрейку. Тот пожал плечами.

– Митрич, похоже, не знает, что война началась.

Так вместе с коровой они и дошли до дома. Небольшой, бревенчатый. Внутри одна комната со столом, двумя лавками, печью и кроватью в углу.

Митрич засуетился. Приготовил чай с травками, налил каждому по плошке мёда.

– А вы чего с коровой по лесам шастаете?

– Не наша корова. В лесу нашли. Два дня не доена была.

– Потерялась значит, – голос старика звучал добродушно и казался сказочным. По крайней мере, так казалось Тюляпину.

– Митрич, тут такое дело, – начал Андрейка.

– Ешьте медок, опосля о делах поговорим, – махнул рукой старик.

– За мёдом никто не придёт.

– Как так никто не придёт? Председатель обещал, что к концу месяца пришлёт подводу...

– Ваше село сожжено, как и соседнее, вместе со всем жителями.

Глаза Митрича стальными круглыми от удивления.

– Война началась.

Старик посмотрел на Тюляпина, словно желая подтверждения или опровержения страшных слов.

Тюляпин только кивнул в ответ.

– Вот оно как, – бухнулся на лавку Митрич. – Я старый дурак и не понял, что громыхает вдали. Думал, гроза стороной прошла несколько раз. Немец, небось, пришёл?

– Немец, – поддакнул Андрейка.

– Теперь всё понятно. И оружие, и форма, и не появление односельчан. Вот как бывает. Пережил всех сразу. Но точно ли всех сожгли?

– Может кто и убёг, а кого постреляли. Но села точно больше нет. Как и жителей.

Они замолчали. Каждый думал о своём. Митрич качал головой, не в силах поверить в сказанное, Андрейка уплетал мёд, Тюляпин прихлёбывал невероятно ароматный чай без всяких ароматических добавок.

– Когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.